867.

БИБЛІОТЕКА МОРС. МИНИСТЕРСТВА.

ШКАПЪ...
ПОЛКА...
РЯДЪ...
№...

К
10
1

Акт № 3
ВЕРЕНА
1952 г.

Акт №

1217 т. н.

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	3-П.90		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА-58

ПРОВЕРЕНО-85

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

(GUIDE DU VOYAGEUR)

ПО

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ

ОТЪ МОСКВЫ ДО СТ. КРЮКОВСКОЙ,

ВЪ Г. ВОСКРЕСЕНСКЪ,

И ПО НОВОМУ ІЕРУСАЛИМУ.

41953

1853 года.

Центральная В.-Морская Библиотека НКВМФ СССР

Москва.

Въ Университетской Типографіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 14-го дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

Путеводитель — стало быть и путешествіе?

Но можно-ли назвать *путешествіемъ*, въ томъ смыслѣ какъ обыкновенно принимается это слово, поѣздку съ небольшимъ въ 50 верстъ? а почему-же-бы и нѣтъ! дѣло не въ пространствѣ, не въ разстояніи, а въ томъ съ какой цѣлію и съ какими средствами умственными пускается человѣкъ въ дорогу: есть конечно такіе люди, которые объѣхали десятки тысячъ верстъ въ свою жизнь, а никому не придетъ въ голову назвать ихъ путешественниками: они вездѣ побывали, но ничего не видали; на многое по неволѣ взглянули, потому-что снабжены отъ природы гла-

зами, но ничего не замѣтили, ничего не вынесли изъ видѣннаго ими. Какъ же опредѣлить пространство, которое должно пройти, чтобъ назвать эту ходьбу, ѣзду или плаваніе путешествіемъ? съ надлежащимъ вниманіемъ, съ врожденною способностію подмѣчать и замѣчать и *особенно* съ путеводителемъ въ рукахъ, поѣздка изъ Москвы, по желѣзной дорогѣ въ Воскресенскъ, должна быть названа, и есть дѣйствительно *путешествіе*, и за эту истину грудью стоитъ путеводитель.

Въ нашъ вѣкъ паровъ и желѣзныхъ дорогъ дѣло путеводителя или спутника, guide du voyageur, не легкое: бывало (разумѣется за границей, въ Европѣ: мы еще эту часть мало отдѣлывали, почти вовсе не занимались ею) бывало путеводитель разскажетъ про каждый городокъ, про каждую деревнюшку не вѣсть что: перечислитъ всѣ строе-

нія, число жителей, даже число животныхъ, число товаровъ продающихся и покупаемыхъ обывателями и пріѣзжающими, найдетъ какой нибудь интересъ историческій и проч. и проч. Теперь дѣло иное: всякое путешествіе къ спѣху; всякой путешественникъ по неволѣ увлекается не интересомъ описаннаго мѣста, а быстротою паровоза; тутъ некогда заниматься мелочами! дѣло путеводителя, на-скоро, назвать мѣсто, указать на самое, самое замѣчательное; а въ немногихъ словахъ выказать дѣло—мудренѣе, нежели дать полную волю любознательности и особливо болтливости авторской.

Проводникъ, котораго предлагаемъ мы теперь *путешественнику*, берется не забольшое пространство: онъ съѣздитъ съ нимъ по чугункѣ, С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, до станціи Крюкова, и на скоро укажетъ

на то, что представляется взорамъ на самомъ пути, что видно изъ вагона. Потомъ повернетъ влѣво, почти по проселку, и доведетъ до заштатнаго города Воскресенска. Здѣсь ужъ дозволитъ онъ себѣ остановить вниманіе путника, тутъ торопиться нечего; и здѣсь раскажетъ и покажетъ онъ все что сколько-нибудь замѣчательно.

И такъ по опредѣленію слова *путешествіе*, и послѣ того какъ высказана обязанность, которую принимаетъ на себя *путеводитель;* приглашаетъ онъ начать *путешествіе*.

При отправленіи поѣздовъ по желѣзной дорогѣ точность математическая: не ждутъ никого, ни минуты! Ступайте скорѣе къ Кассиру, берите какой угодно вамъ билетъ:

Съ легкимъ поѣздомъ, въ 1-мъ классѣ — до Крюкова 1 р. 20 к. с.

Во 2-мъ классѣ 80 к.

Въ 3-мъ 40 к.

Съ тяжелымъ или товаро-пассажирскимъ 20 к. сереб.

Для отъѣзжающихъ Embarcadère, а для пріѣзжающихъ Débarcadère, т. е. *зданіе отправленія и прибытія*, однимъ словомъ Московская станція желѣзной дороги устроена въ С. З. части Москвы, идя отъ центра города влѣво, за Красными воротами, на Каланчевскомъ полѣ, близь Краснаго пруда, гдѣ была прежде розничная продажа пороха, перенесенная нынѣ къ Симонову монастырю.

Изящество и простота составляютъ отличительныя черты зданія станціи. Какъ хороша эта зала, въ которой собираются пассажиры ждать роковаго звонка, вызывающаго всѣхъ на галлерею, съ которой размѣщаются по вагонамъ.

Когда выйдете на платформу, нельзя не взглянуть кверху, на стропила: что за легкость и вмѣстѣ съ тѣмъ прочность; онѣ легки *на взглядъ* потому-что здѣсь все желѣзо.

Послѣ звонка начинается необходимая суета передъ отъѣздомъ: одни прощаются, другіе хлопочатъ, чтобъ не забыть чего-нибудь; кто тащитъ подушку съ тѣмъ, чтобы покойнѣе уснувъ въ Москвѣ, если можно, проснуться въ Петербургѣ и, подкрѣпить, чуть что не во снѣ, силы свои въ Клину, въ Твери, въ Балоговѣ или еще гдѣ нибудь; кто несетъ шкатулку, ящикъ, чемоданъ, кто sac de voyage, который не выслужилъ еще у насъ русскаго названія; а кто ѣдетъ на легкѣ, и суетится только для того, чтобъ не забыть высказать послѣднее слово, передъ отъѣздомъ, остающимся и провожающимъ.

Между тѣмъ раздается *второй* звонокъ. Перилы отдѣляютъ рѣзкой чертой остающихся отъ отъѣзжающихъ. Еще звонокъ—это *третій* и послѣдній, и за нимъ вслѣдъ пронзительный крикъ машины, дребезжащій свистокъ оберъ-кондутора — локомотивъ крехтя, какъ будто не хотя, увлекаетъ за собою вагоны наполненные людьми, тяжестями, надеждами, ожиданіями, сожалѣніями, радостями; за иное платятъ съ пуда, за другое вовсе ничего не платятъ, а многое въ сущности ничего не стоитъ, какъ многое на свѣтѣ, чему придаетъ вѣсъ и цѣну только особенная какая нибудь обстановка.

Путешествіе началось и путеводитель вступаетъ въ права свои.

Дорога отъ Москвы до Крюкова, 36 верстъ.

Дорога Петербургская, перемѣнивъ устье свое, измѣнила видъ, въ которомъ, представлялась Москва путешественнику, пріѣзжавшему изъ Петербурга: тамъ разстилалась передъ нимъ бѣлокаменная съ Кремлемъ своимъ, съ позлащенными главами, съ Иваномъ Великимъ — теперь видно ее менѣе, и замѣтнѣе другихъ зданій Сухарева башня. Но это не касается до насъ, и мы, выѣзжая *изъ* Москвы, взглянемъ на то, что окружаетъ насъ при отправленіи.

Прежде всего, за садомъ съ макадамизированными дорожками, разбитымъ около зданій станціи, видѣнъ вправо *Красный прудъ*, а за нимъ *Красное село*.

Какъ-же необратить вниманія на странное стеченіе событій: Красное се-

ло, которое теперь вошло въ составъ города, и котораго основаніе относятъ нѣкоторые ко времени Царя Іоанна Васильевича Грознаго, замѣчательно тѣмъ, что Лжедмитрій, прежде всѣхъ Москвичей, склонилъ на свою сторону жителей Краснаго села, и они принявъ съ торжествомъ пословъ его, ввели ихъ въ Столицу 1-го Іюля 1603 года; а первая станція, къ которой несемся мы по чугункѣ, есть *Химская*, получившая названіе свое отъ рѣчки *Химки*, (Хинска или Хынска) на которой въ 1608 году разбитъ былъ на-голову другой самозванецъ, другой Лжедмитрій, извѣстный подъ именемъ Тушинскаго вора.

Монастырь, который видите вы въ Красномъ селѣ — *Алексѣевскій* женскій; онъ перенесенъ сюда отъ Пречистенскихъ воротъ, съ того мѣста, гдѣ возводится теперь соборный храмъ Христа Спасителя.

Влѣво пока еще нѣчего смотрѣть: тамъ каменные пакгаузы, въ которые складываются товары привезенные и назначенные къ отправленію изъ Москвы. Еще довольно долго идетъ сѣть, какъ паутина, пересѣкающихся рельсовъ, со стрѣлками ввидѣ лиръ, съ цвѣтными фонарями для ночнаго времени, показывающими направленіе, въ которомъ положены подвижные рельсы; одинъ изъ *косыхъ путей*, какъ называютъ эти отроги главной линіи, ведетъ вправо къ круглому зданію, въ которомъ хранятся машины. Разумѣется теперь не возможно остановиться, взглянуть внутрь этой гигантской *конюшни*, гдѣ стоятъ рысаки—самолеты, а любопытна ротонда съ вращающимся поломъ, которымъ поворачиваютъ локомотивы, и легкій желѣзный куполъ имѣющій въ діаметрѣ 15 саж., а въ вышину отъ пола 12 сажень. Рядомъ и

около круглаго зданія все строенія принадлежащія къ станціи: сараи для дровъ, водокачная машина, кузницы, контора и проч.

За ними загородные дома и домики, прислонившіеся къ чудесной рощѣ, которую отсюда нельзя оцѣнить; видна только густая темная зелень и болѣе ничего; это вѣковая сосновая *Сокольничья роща*, и въ ней или близъ нея дачи. Немного лѣсовъ такихъ остается около большихъ городовъ. Названіе *Сокольники* напоминаетъ старинную страсть Великихъ Князей и Царей русскихъ къ охотѣ соколиной и ко всякому роду охотъ. Герберштейнъ (*), бывшій посланникомъ при русскомъ дворѣ въ 1516 и 1526 годахъ, разска-

---

(*) Баронъ Сигизмундъ фонъ Герберштейнъ присланъ былъ въ Россію отъ Императора Максимиліана.

зываетъ подробно о великолѣпіи одной изъ охотъ за зайцами, бывшей въ этой *Сокольничей рощѣ*. Теперь обращена большая часть рощи въ паркъ; москвичи всегда любили и любятъ гулянье въ Сокольникахъ 1-го Мая, хотя и говорятъ, что начало его принадлежитъ нѣмцамъ, жившимъ въ Нѣмецкой слободѣ; и будто-бы отъ этого одно мѣсто въ рощѣ называется *Нѣмецкими станами*, потому-что сюда выѣзжали они in's Gruen съ самоварами, и разбивали станъ или лагерь свой въ лѣсу, чтобъ встрѣтить первый весенній праздникъ, который иногда принималъ ихъ очень холодно.

Влѣво, вдали за огородами, которыми окружена вся Москва, которые и здѣсь тянутся далеко, большое зданіе: *Набилковская богадѣльня*, а на второй уже верстѣ отъ станціи большая каменная церковь *Іоанна Предтечи, что у*

Креста, которая стоитъ почти возлѣ самой дороги.

Далѣе видны влѣво — *Лазарево*, а вправо *Пятницкое кладбища*. Послѣднее недалеко отъ чугунки; какъ замокъ подходитъ оно аллеями своими къ самому Троицкому шоссе, о которомъ сейчасъ будетъ слово. Кладбище всегда наводитъ на какія-то таинственныя думы: всегда видится въ нихъ смерть—въ мертвыхъ; а здѣсь что-то необыкновенное: эта близость живаго, быстраго движенія къ неподвижности могилы; разрушенія, предполагающаго дряхлость, соединеннаго съ живостію, свѣжестію зданій кладбища, такъ привѣтливо подходящаго къ дорогѣ ведущей на богомолье, на молитву. Пятницкое кладбище есть истинное Memento mori: „Помни часъ смерти.“

Мы подъѣзжаемъ подъ первый *мостъ*, перекинутый черезъ желѣзную дорогу.

Всѣ мосты эти такъ красивы, такъ изящны, что каждый изъ нихъ заслуживалъ бы особеннаго вниманія, но какъ разглядѣть ихъ при той быстротѣ, съ которой летимъ мы!

Мостъ, мелькнувшій сію минуту, въ началѣ третьей версты, находится на шоссе, ведущемъ изъ Москвы въ знаменитую святыню Московскую: Троицкую Сергіеву Лавру; посадъ и монастырь, или какъ принято называть у насъ, Троица въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, слѣдовательно далеко за чертой наблюденій нашихъ—а много было-бы что поразсказать.... Оставимъ это другому путеводителю.

Влѣво *Марьина роща;* посреди ея деревенька того-же имени *Марьина;* рощу пересѣкаетъ дорога идущая въ *Бутырки*, слободу принадлежащую къ Москвѣ, которая видна вдали какъ про-

долженіе города. Тутъ провелъ послѣдніе годы жизни своей знаменитый литераторъ нашъ Князь Александръ Александровичь Шаховской, въ кругу родственнаго и дружескаго семейства Бакуниныхъ. Онъ скончался въ 1846 году. Театральныя піесы его теперь еще остались въ репертуарѣ; кто не знаетъ его: Полубарскія затѣи, Ѳедора Григорьевича Волкова, Казака стихотворца, Ломоносова, и проч.? Въ Марьиной рощѣ бываетъ гулянье въ Семикъ; тутъ пируютъ веселые купеческіе сынки, кипятъ самовары мелкихъ чиновниковъ и ремесленниковъ московскихъ, выѣзжающихъ съ семействами подышать чистымъ, здоровымъ воздухомъ.

Не много подалѣе виднѣются строенія *Учебно-практическаго хутора*. Въ 1818 году основалось въ Москвѣ, по мысли Князя Д. В. Голицына, Графа

V 1953

Центральная Морская
Библиотека РКВМФ СССР

П. А. Толстаго, Ст. Ст. Апраксина, Князя С. И. Гагарина и другихъ, Общество Сельскаго Хозяйства, которое съ тѣхъ поръ уже принесло важную пользу Россіи, усовершенствовавъ пріемы землевоздѣлыванія, пріохотивъ русскихъ къ истинно русскому занятію, открывъ новые источники богатства. При этомъ Обществѣ необходимы были: для теоріи — школа земледѣлія, а для опытовъ—хуторъ. На лѣтнее время и ученики Земледѣльческой школы, учрежденной въ Москвѣ, переходятъ сюда, чтобы учиться наглядно, и участвовать въ трудахъ; вообще же всѣ работы производятся здѣсь учениками—крестьянами.

Здѣсь, между прочимъ, разработывается и *торфъ* московскимъ купцемъ Прохоровымъ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ потребляется въ Москвѣ *ежегодно* на казен-

ныя и частныя зданія, на бани, фабрики, заводы и проч. около 930 тысячъ сажень дровъ, не считая того, что расходуетъ желѣзная дорога. Очевидно, что необходимо подумать о томъ, чѣмъ замѣнить это топливо, и вотъ принялись за торфъ. За Химской станціей увидимъ мы значительное производство этого горючаго вещества. Лѣсовъ около Москвы уже не много, да и не всѣ же можно истреблять ихъ на дрова, это было-бы грѣшно! какъ, напримѣръ, тронуть Марьину рощу? Если тепло необходимо для здоровья и для счастія зимой, то право, лѣтомъ, прохлада подъ тѣнью деревъ, не менѣе здорова и усладительна. Какъ уничтожить эту *дубовую рощу* на правой сторонѣ, мимо которой мы ѣдемъ, хотя деревья въ ней еще очень молоды; но дубъ составляетъ особенную рѣдкость въ окрестностяхъ Москвы. Роща эта принадлежитъ къ

Останкину, подмосковной Гр. Шереметева, котораго за́мокъ, съ рядомъ колоннъ, мелькнулъ въ просѣкѣ.

Вправо-же ничѣмъ незамѣчательная, но миловидная деревенька *Марѳина* съ господскимъ домикомъ, въ лѣсочкѣ.

Верстахъ въ двухъ отъ Марѳина виднѣются влѣво богатыя палаты села *Петровскаго*, называемаго и теперь еще *Разумовскимъ*, потому что оно нѣкогда принадлежадо Графу Разумовскому, и тогда было оно во всей красотѣ, и во всемъ блескѣ; теперь, мѣсто роскоши и барства, занялъ расчетъ; мѣсто пріятности — польза и выгода, которая также *имѣетъ свою пріятность!* каждый вѣкъ, каждая пора отличаются своимъ характеромъ: нашъ вѣкъ *называется* положительнымъ ....

Почти противъ самаго этого мѣста опять высокій *мостъ*, по которому

идетъ шоссе изъ уѣзднаго города, московской губерніи, Дмитрова, черезъ Бутырки (о которыхъ упоминали уже мы) въ бутырскую заставу, въ Москву.

Верстъ пять нѣтъ ничего ни интереснаго, ни замѣчательнаго по дорогѣ; только вправо виднѣются вдали разбросанныя деревеньки. Съ версту тянется, отъ десятой версты, огромная насыпь, и тутъ, какъ будто для того, чтобы утѣшить путника, стоятъ какъ декораціи: вправо казенное село *Дегунино*, влѣво прехорошенькое село Г. Жемчужникова, *Ховрино*, точно нарисованное, съ прудомъ, съ господскимъ строеніемъ, съ аллеями; и опять вправо, не доѣзжая моста, казенное село *Бусино*.

Изъ этого Бусина, не доѣзжая версты двѣ до станціи, идетъ дорога черезъ чудный *мостъ*, едва-ли не красивѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ, которые мы до

сихъ поръ видѣли, и подъ которые проѣзжали, въ деревню *Химки* лежащую на Петербургскомъ шоссе. Послѣ этого большая выемка, такъ что намъ ничего не видно кромѣ земли поднимающейся стѣной по обѣимъ сторонамъ дороги; мы видимъ менѣе нежели мореплаватели, которые видятъ воду и *небо*.

Близь Химокъ идетъ не длинная, но очень высокая насыпь, надъ трубою, въ которую пропущена рѣчка *Химка*, о которой уже упомянули мы въ началѣ; она течетъ въ оврагѣ; въ немъ, не далеко отъ дороги, зданіе гдѣ помѣщается паровая машина для поднятія воды въ резервуары, изъ которыхъ наливается она посредствомъ подвижныхъ трубъ, въ машины — локомотивы.

Въ той рощѣ, которая тянется по правому берегу оврага, бываетъ лѣтомъ, въ извѣстные дни недѣли, гу-

лянье — это мѣсто называется *Химки*, хотя въ сущности садъ принадлежитъ къ *Кузьма-Демьянскому* (во имя церкви Св. Космы и Даміана).

Вотъ наконецъ и станція. У платформы буфетъ, а возлѣ пассажирскаго дома палатка, съ золотымъ гребешкомъ; тутъ можно, какъ говорится поруски, заморить червячка т. е. поѣсть, позакусить что нибудь — кому кушать хочется. Впрочемъ мы тоже самое найдемъ и въ Крюковѣ.

Отъ Химокъ до Крюкова дорога часто измѣняетъ положеніе: она то идетъ въ углубленіи, то будто взбирается на высокія насыпи, изумительное произведеніе труда человѣческаго; когда вспомнишь, что пропасти эти ископаны заступами въ поларшина длины и вершка четыре, пять ширины, и что горы эти составлены изъ сотни тысячъ тележекъ земли привезенныхъ людьми!

всѣ эти работы произведены для того, чтобы дать рельсамъ приблизительно горизонтальное положеніе, необходимое условіе для движенія паровозовъ: наука и опытъ опредѣлили возвышеніе въ одну саж. на 200 саженяхъ, какъ крайній предѣлъ подъема. Мѣстность, на предлежащемъ намъ пути, неровная, и это-то именно и представляетъ живописные виды.

Разумѣется что спутникъ говоритъ о лѣтней порѣ, а зимой нечего смотрѣть, да и ничего невидно въ окна вагона, фантастически расписанныя нашимъ академикомъ самоучкой — морозомъ. Зимой въ вагонѣ одно наслажденіе: тепло — и роскошь, — пріятные собѣсѣдники.

Почти тотчасъ по выѣздѣ изъ Химокъ подходитъ, съ правой стороны къ дорогѣ, рощица дубовая же, какъ останкинская, но родная береза уже сильно тѣ-

снитъ пришлецовъ — дубки отъѣхавъ менѣе версты, проѣзжаемъ мы подъ *мостъ* перекинутый черезъ желѣзную дорогу, а по немъ между тѣмъ, ѣдутъ изъ села *Петровскаго*, котораго немогли мы видѣть потому, что ѣхали въ углубленіи, въ деревню лежащую влѣво, на Петербургскомъ шоссе, въ *Кобылью Лужу*.

Еще версты двѣ, и мы опять несемся подъ *мостъ*, котораго наружность показываетъ уже, что назначеніе его важнѣе другихъ мостовъ, и дѣйствительно: тутъ Московско-Петербургское шоссе пересѣкаетъ легкую чугунку; этотъ мостъ несетъ въ формахъ своихъ отпечатокъ той дороги, которая такъ недавно казалась намъ совершенствомъ, послѣ грунтовыхъ дорогъ нашихъ, а теперь кажется уже чѣмъ-то запоздалымъ, старымъ, въ сравненіи съ этой стройной нитью связывающею Столи-

цы. Не доѣзжая до него вы видите, влѣво, деревню *Кобылью Лужу*, и отъ нея полотно шоссе окоймленное надолбами, которые подойдя къ мосту, уступаютъ мѣсто красивымъ периламъ, и потомъ тянутся опять по правой сторонѣ, изчезая за строеніями деревень *Дмитровки* и *Молжаниновки*, находящимися на шоссе.

Влѣво раскинуты деревни *Филино*, *Юркино*, *Малинка*, и вдали виднѣется казенное село *Куркино*, съ каменною церковью.

Отъ Молжаниновки есть переѣздъ къ дерев. *Березкиной*, лежащей на лѣвой сторонѣ чугунки, и тутъ-то огромная разработка торфа, о которой говорили мы.

Подъѣзжая отъ 25 къ 26 верстѣ, ѣдемъ мы по прекрасному *мосту* надъ оврагомъ; но теперь скоро, скоро подъѣдемъ мы къ мѣсту, которое едвали не

одно изъ лучшихъ на всемъ протяженіи отъ Москвы до Петергурга: лощина въ которой течетъ рѣчка *Сходня* (*). Сходня эта впадаетъ въ Москву рѣку, начинаясь тамъ, гдѣ то за Черной Грязью, бывшей почтовой станціей на шоссе. Обыкновенно путники смотрятъ подъ мостъ, гдѣ виднѣется на глубинѣ 15-ти саженъ, въ оврагѣ, прекрасно, искуственно и красиво разбитый англійскій садъ съ клумбами наполненными кустами, на миніатюрный островокъ испещренный битыми вьющимися дорожками; рѣдко кто взглянетъ вправо на деревянный длинный мостъ, который такъ хорошо рисуется въ простотѣ своей, за изящными украшеніями сада. Это все очень мило, но взгляните влѣво, вдоль, на мѣльницу, на оврагъ, который изчезаетъ въ изгибахъ береговъ

(*) По планамъ: *Всходная рѣка.*

своихъ опушенныхъ перелѣсками, кустами. Вдали, тамъ, на берегу его, приземистая деревенька *Узково*.

Но любуясь природой и видами недолжно однакожъ пропустить случая полюбоваться искуствомъ. Что за чудо совершенства этотъ мостъ, по которому ѣдетъ вѣрно, спокойно, поѣздъ нашъ, тысячъ въ семь пудовъ! посмотрите какъ онъ простъ, малосложенъ, легокъ на взглядъ, а между тѣмъ надъ какой пропастію перекинулся онъ! Длина его 180 саженъ.

Взгляните! по лѣвой сторонѣ, возлѣ перилъ, лежатъ два ряда тоненькихъ трубочекъ: въ то время какъ мы ѣдемъ и любуемся, можетъ быть, по трубкамъ этимъ, съ быстротою которую неудалось еще подвести подъ мѣру никому на свѣтѣ, пробѣжала искра; она пронесла слово, а слово мысль, которую прочтутъ за 600 верстъ черезъ двѣ, три

минуты! эти трубки влагалища *электро-магнитнаго телеграфа*. Изумительны плоды человѣческихъ открытій и приложеній науки! Кто повѣрилъ бы, немного лѣтъ тому назадъ, что мысль облечется въ искру, въ громовую стрѣлу, а пары понесутъ человѣка съ быстротою бѣгущаго облака!

Это мѣсто такъ хорошо, такъ много открывается видовъ съ моста, и прежде еще, что глазъ неуспѣетъ окинуть всего: вонъ вправо, церковь каменная — это село *Черкизово*, что на шоссе; вотъ взбирается на гору чудная березовая рощица; вершины деревьевъ какъ будто вытягиваются, чтобы взглянуть на поѣздъ нашъ.... вотъ платформа..... и все исчезло, промелькнуло! мы уже промчались и переѣхали черезъ мостъ, лежащій вровень съ рельсами; дорога пересѣкаетъ чугунку; она идетъ изъ д. *Соврасовой* въ д. *Назарьеву*, лежащую

на правой сторонѣ; за Назарьевымъ *Еленка* опять на шоссе, которое идетъ тутъ все еще почти параллельно съ красавицей, младшей сестрой своей.

Мы не обращали вниманія на нѣсколько строеній предназначенныхъ для жительства рабочихъ. Это очень важно, особливо у насъ въ Россіи: на желѣзной дорогѣ нашей не забыто ничего для безопасности и спокойствія путешественниковъ, но что дѣлать, что придумать противъ русскихъ снѣговъ, русскихъ вьюгъ? Можетъ-же случиться какая нибудь остановка, и тогда казармы, съ множествомъ теплыхъ сторожекъ, размѣщенныхъ по всему пути, могутъ служить важнымъ утѣшеніемъ, особенно при незначительности нашего народоселенія сравнительно съ Европой. Мы неговоримъ уже о прямой цѣли ихъ: о безпрестанномъ, бдительномъ надзорѣ за порядкомъ дороги, и о воз-

можности принять немедленно мѣры, въ случаѣ надобности, къ исправленію.

Версты двѣ не доѣзжая до Крюковской станціи опять переѣздъ черезъ чугунку: дорога идетъ изъ имѣнія Князя Долгорукова села *Ржавокъ*, лежащаго на шоссе, черезъ д. *Малино*, въ большое казенное селеніе *Брехова*. До Ржавокъ, а слѣдовательно и до шоссе, отсюда уже 5 верстъ, такъ отдалилось оно вправо.

Много прекрасныхъ рощицъ видѣли мы на пути, а вотъ наконецъ и послѣдняя, съ правой стороны. Но прежде еще пронесемся мы подъ *мостомъ* пересѣкающимъ желѣзную дорогу: по немъ идетъ влѣво дорога въ г. Воскресенскъ.

Вотъ и станція. Она заимствовала названіе свое отъ сельца, что видно вправо, на возвышеніи: это *Крюково*, принадлежащее Г. Митькову.

Опять знакомый крикъ машины, опять свистокъ оберъ-кондуктора. Извольте выходить!

Черезъ десять минутъ спутники наши двинутся къ *Подсолнечной станціи;* мы проводимъ ихъ глазами, и, пожалуй, пожелаемъ счастливой дороги, благополучнаго прибытія, успѣха въ дѣлахъ, скораго возвращенія и проч. и проч.

Перейдемъ на другую сторону, гдѣ вѣроятно ожидаетъ насъ линейка.

Дорога отъ Крюкова до г. Воскресенска.

Дорога отъ Крюкова до Воскресенска очень не дурна: она идетъ по мѣстамъ ровнымъ, но высокимъ и потому чрезвычайно живописнымъ, и на всемъ пути только два не большіе спуска, не болѣе, какъ версты за три съ чѣмъ нибудь отъ города, и то горки эти не опасны и не страшны.

Мы окончили предъидущую главу или предъидущій отдѣлъ словами: „насъ ждетъ линейка,“ но отъ путеводителя требуется, какъ отъ всякаго честнаго человѣка, справедливость, и потому мы должны сказать правду, что линейка рѣдко ждетъ путешественниковъ, а чаще приходится путешественникамъ ждать линейку! Этотъ *комфортъ* еще не пришелъ въ надлежащее устройство. Вѣроятно, когда желѣзная до-

рога вызоветъ въ Новый Іерусалимъ еще больше путешественниковъ и богомольцевъ, нежели бываетъ ихъ теперь, то придумаются и заведутся не только линейки, а какіе нибудь омнибусы, дилижансы и тому подобное; можетъ быть протянется со временемъ и гладкое шоссе; но это со временемъ, а пока милости просимъ въ путь, въ чемъ и какъ угодно.

Отъ того моста, подъ которымъ проѣхали мы, идетъ дорога параллельно къ чугункѣ, мимо станціи, и сейчасъ же поворачиваетъ влѣво, кустами.

Первое селеніе встрѣтимъ мы отъѣхавъ версты двѣ отъ Крюкова — это село *Спасское – Андреевское* тожъ; въ немъ видны два господскихъ дома; имѣніе принадлежитъ двумъ помѣщикамъ Гг. Неронову и Гвоздеву; тутъ, вправо, еще деревня *Александровка*, и едва выѣдемъ мы изъ кустовъ, какъ

представится затрудненіе: двѣ дороги, одинаково широкія, одинаково торныя разбѣгаются врознь; не задумывайтесь и ступайте по лѣвой.

Влѣво д. *Гаретовка*, и, вдали, очень далеко красуется большое, каменное строеніе, будто какой нибудь городокъ: это *Баттьевка*. —

Отъѣхавъ всего версты три тутъ нѣтъ мѣрной, столбовой дороги, слѣдовательно объ разстояніяхъ можно судить только гадательно, — въѣзжаемъ мы въ хорошенькое, по мѣстоположенію *С. Голубово*, съ красною каменною церковію; господскій домъ строится и обѣщаетъ быть очень не дуренъ; поворачиваемъ на лѣво по деревенской улицѣ, а потомъ на право, по мосту, чрезъ плотину. Красотѣ мѣстности много содѣйствуетъ запруженная рѣчка. Вода, вода–почти необходимое условіе красоты ландшафта.

Еще полверсты, и начинается *лѣсъ*; но не такой лѣсъ, какимъ пугаютъ путешественниковъ; не такой дремучій лѣсъ, какой воображеніе населяетъ медвѣдями, волками, разбойниками; нѣтъ, этотъ лѣсъ хотя и тянется верстъ на семь, но его можно назвать рощей: березы растутъ, робко ожидая топора нетерпѣливыхъ владѣльцевъ, которые (особенно подъ Москвою) едва даютъ время перейти кустарнику изъ состоянія парусника, въ дровяной лѣсъ. Тутъ дорога нѣсколько по хуже, какъ обыкновенно бываетъ лѣсомъ, гдѣ она должна, по неволѣ, извиваться между деревьевъ и пней, не имѣя возможности развернуться со всѣмъ на просторѣ, какъ на полѣ, гдѣ всякая телѣга прокладываетъ себѣ новый путь, незаботясь о томъ, что напрасно заѣздитъ землю. Неболѣе какъ съ полверсты отъ того мѣста, гдѣ начинается

лѣсъ, дорога опять раздваивается: одна идетъ прямо, другая довольно круто поворачивается влѣво,— по этой-то и лежитъ нашъ путь.

За лѣсомъ, верстахъ въ двухъ, а можетъ быть и менѣе, село *Еремѣево;* мы въѣзжаемъ въ него съ боку; оно лежитъ на дорогѣ изъ Москвы, въ большое торговое село Пятницу-Берендѣеву; Еремѣево считается отъ Москвы въ 40, а отъ Пятницы въ 20 верстахъ. Посреди широкой улицы, ближе къ лѣвому концу, каменная церковь. Намъ надобно ѣхать вправо, и проѣхавъ всю деревню, около крайняго двора, круто повернуть на лѣво. Отсюда до Воскресенска восемь верстъ.

Не доѣзжая до д. *Алексиной* версты двѣ, только что въѣдемъ мы въ мелкія кусты, представится глазамъ нашимъ, на горизонтѣ вдали, цѣль путешествія нашего: блестящая глава

и куполъ надъ храмомъ Св. Гроба, въ Новомъ Іерусалимѣ, и рядомъ съ ними колокольня, находящаяся надъ входными вратами.

На этомъ мѣстѣ набожный путникъ осѣняется знаменіемъ креста.

Новый Іерусалимъ блеснулъ вдали на одно мгновеніе, и опять исчезаетъ изъ виду.

Въ Алексино надо въѣхать повернувъ почти у самыхъ задворковъ круто на лѣво, а не увлекаясь прямымъ продолженіемъ дороги, по которой мы слѣдуемъ.

Ѣхавъ вдоль по деревнѣ, нельзя не взглянуть влѣво: почти параллельно съ улицей идетъ оврагъ, чрезвычайно живописный; на другомъ берегу его помѣщичій домикъ. Оврагъ этотъ разростался въ рѣчку *Абрамиху*, которая извиваясь прихотливо въ крутыхъ берегахъ своихъ, впадаетъ въ Истру.

Влѣво, за оврагомъ, расположилась какъ будто широкимъ станомъ деревня *Ивановская*. Отсюда уже начинаются тѣ картинные виды, которые дѣлаются все краше и краше до самой Воскресенской обители. Едвали гдѣ около Москвы есть лучше этихъ мѣстъ.

Село *Дорна́*, съ маленькою деревянною церковію, чрезъ которое приходится намъ проѣзжать, въ четырехъ верстахъ отъ Воскресенска.

Вотъ здѣсь спускъ подъ гору, черезъ рѣчку; но тутъ такъ хорошо, такъ привольно отъ ручейковъ, текущихъ въ оврагахъ, отъ рощицъ разбросанныхъ по берегамъ ихъ, что все забудешь — да вонъ и Новый Іерусалимъ виднехонекъ.....

Намъ остается еще проѣхать только двѣ деревни: *Кашину* и *Рычкову*, тоже раздѣленныя между собою овра-

гомъ и рѣчкой, а потомъ въѣдемъ мы въ городъ *Воскресенскъ*.

Но на эти двѣ деревни нельзя не обратить вниманія: все народонаселеніе ихъ, женска пола, и даже многіе старики, такъ какъ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревняхъ, заняты вязаньемъ портянокъ или носковъ изъ нитокъ; нитки эти прядутъ онѣ изъ льна, который засѣваютъ въ довольно большемъ количествѣ. Рукодѣльницы вывязываютъ три, а иногда и болѣе трехъ паръ въ недѣлю; носятъ сами товаръ свой въ Москву, и берутъ тамъ отъ 15 до 10 коп. сер., за пару. Неимовѣрно дешевая цѣна! Изъ чего, кажется, трудиться? статистикъ или политико-экономъ счелъ бы стоимость земли, занимаемой сырымъ матеріаломъ, цѣнность рабочихъ силъ, время и проч. и вывелъ бы изъ этого яснѣе дня-*дефицитъ* т. е. убытокъ, а Капин-

скія и Рычковскія бабы говорятъ, что земля, ленъ и работа ничего не стоятъ: свое, не купленое, а 30 или 45 коп., въ недѣлю — на улицѣ не поднимешь, а имъ достается это на гулянкахъ!

Вотъ наконецъ и Воскресенскъ!

Собственно городъ остается влѣво, а мы подъѣзжаемъ прямо къ часовнѣ, на Елеонской или поклонной горѣ.

Городъ Воскресенскъ былъ нѣкогда селомъ и вмѣстѣ съ другими деревнями: Макрушиной, Рычковой и Котельниковой, принадлежавшими боярину Роману Ѳеодоровичу Боборыкину, куплено было Патріархомъ Никономъ въ вѣдомство Иверскаго монастыря. Говорятъ, что прежде называлось оно Вознесенскимъ, по церкви, которую видите влѣво; при ней и теперь въ праздникъ Вознесенія Господня бываетъ двухъ-дневная ярмарка, на ко-

торую привозится, по официальнымъ свѣдѣніямъ, на 24 тысячи руб. сер. товаровъ, а распродается ихъ тысячъ на 12 съ половиною. Кромѣ обыкновенныхъ правительственныхъ мѣстъ, какъ бываетъ во всѣхъ заштатныхъ городахъ, т. е. городскихъ Ратуши и Думы, полицейскимъ порядкомъ завѣдываетъ Звенигородскій Приставъ 2-го стана, котораго квартира и канцелярія противъ самой Елеонской часовни. Для путешественника необходимо знать, къ кому отнестись въ случаѣ какой нибудь нужды, за совѣтомъ, а иногда и за помощію.

Гостинница есть, почти возлѣ самаго монастыря, но увы! только гостинница, — а болѣе ничего! Въ городѣ можно найти двѣ, три довольно чистыя квартиры. Самоваръ найдется навѣрно. Будемъ надѣяться, что и это современемъ обдѣлается и что

въ Воскресенскѣ, со временемъ, можно будетъ отдохнуть и порядкомъ утолить голодъ и жажду. Все идетъ впередъ, все просвѣщается, и доказательствомъ можетъ служить уже и то, что въ Воскресенскѣ есть училище, въ которомъ образуются до шестидесяти учениковъ и учениць; оно учреждено иждивеніемъ Московскаго купца *Чикина*. Два преподавателя учатъ по методѣ Ланкастера. По числу жителей, которыхъ считается не болѣе 1,160 обоего пола, и въ томъ числѣ только 124 принадлежащихъ къ купечеству, это еще довольно много. Въ самомъ городѣ три питейныхъ дома, одна штофная лавочка, одинъ трактиръ и три харчевни. Черезъ Воскресенскъ лежитъ дорога въ Волоколамскъ, уѣздный городъ Московской Губерніи.

Заплативъ долгъ статистикѣ, и по возможности добросовѣстно исполнивъ

долгъ путеводителя, приступимъ къ описанію того, что составляетъ прямую цѣль нашу.

Всякое произведеніе получаетъ новый свѣтъ, полнѣйшее значеніе, когда наблюдатель знакомится съ творцемъ его. Стоя, такъ сказать, у колыбели мысли, ознакомясь съ внѣшней обстановкой, родившейся, воплотившейся идеи, смыслъ выполненія становится понятнѣе. Да и такова пытливость человѣка, что видя *созданное*, непремѣнно хочетъ онъ знать, *кѣмъ* и *какъ создано*. Имена мѣстъ освященныхъ стопою, словомъ, вообще земною жизнію Спасителя нашего, перенесенныя въ дальній край нашъ, размѣщенныя въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся они и въ счастливой странѣ, удостоившейся служить поприщемъ земной жиз-

ни Богочеловѣка, невольно заставляютъ обратиться къ источнику идеи. Идея эта и осуществленіе ея принадлежатъ Никону.

Самъ Никонъ являетъ въ себѣ лице въ высшей степени замѣчательное.

Мы не имѣемъ обязанности писать исторію государственнаго, историческаго лица, не беремся представить полное изученіе характера человѣка, исторія котораго ожидаетъ еще разработки ученаго, здравомыслящаго, безпристрастнаго изслѣдователя, мы намѣрены только очертить поверхностно обликъ зиждителя Новаго Іерусалима, и свѣдѣнія наши заимствуемъ изъ книгъ: *Начертаніе житія и дѣяній Никона, соч. Архим. Аполлоса*, Москва 1845 г. Изъ *Исторіи Россійской Церкви* А. Н. Муравьева, Спб. 1838 г. и *Исторіи Русской Церкви Преосвященнаго Епископа Филарета*.

Что касается до описаній самаго Воскресенскаго монастыря, то ихъ существуетъ два: 1) *Краткое Историческое описаніе Ставропигіальнаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря*, Москва 1852 г., (продается тутъ же въ монастырѣ) и 2) въ книгѣ А. Н. Муравьева, „Путешествіе по Св. мѣстамъ русскимъ:“ *Новый Іерусалимъ*, Спб. 1836 г. стр. 91.

Первое изъ этихъ описаній очень подробно, можетъ быть слишкомъ подробно для путешественника — богомольца посѣтившаго Воскресенскъ только нанѣсколько часовъ, перечисляетъ все, что есть въ монастырѣ; во второмъ, прекраснымъ цвѣтистымъ языкомъ автора „Путешествія къ Святымъ мѣстамъ“ сравнивается первообразъ, подлинникъ съ подраженіемъ. Путеводитель намѣренъ въ возможно-краткомъ объемѣ, заимствуя изъ означенныхъ

произведеній, свѣдѣнія, гдѣ придутся они къ слову, и взявъ еще на помощь превосходное, въ духѣ христіанскомъ составленное путешествіе въ Палестину А. С. Норова, описать Новый Іерусалимъ, съ указаніемъ на мѣста изъ Священнаго Писанія, гдѣ упоминается о томъ, что изображаетъ созданіе Патріарха-отшельника.

НИКОНЪ,

ОСНОВАТЕЛЬ ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Новаго Іерусалима.)

Никита, призванный въ послѣдствіи Провидѣніемъ быть Патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, подъ именемъ Никона, родился въ 1605 году, отъ бѣдныхъ поселянъ Нижегородскихъ села Вельманова. Рано почувствовалъ онъ влеченіе къ жизни монашеской, и уже проходилъ монастырскія послушанія въ Желтоводской обители, когда

настоятельныя убѣжденія отца преклонили его ко вступленію въ бракъ. Однакоже Никита не возвратился къ жизни мірской, а занялъ причетническое мѣсто въ приходѣ, къ которому вскорѣ былъ посвященъ во іерея, на 20 году отъ рожденія. Потомъ онъ перешелъ въ Москву; но первоначальное влеченіе къ монашеству было въ немъ такъ сильно, что онъ уговорилъ жену, опечаленную потерею всѣхъ дѣтей своихъ, вступить въ число инокинь Алексѣевскаго монастыря, а самъ удалился на Бѣлое море, въ Анзерскій скитъ, зависимый отъ монастыря Соловецкаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ строгой подвижнической жизни, именно въ 1635 году, онъ перешелъ въ Кожеезерскую пустынь, что на озерѣ Кожѣ, въ 920 верстахъ отъ Новгорода, и въ 120 отъ Онеги, принадлежащую къ Новогородской Епархіи. Тамъ, въ 1643 году, по прошенію

братіи, былъ онъ посвященъ въ Игумена.

Чрезъ три года случилось ему, по дѣламъ монастырскимъ, быть въ Москвѣ, и тамъ впервые увидѣлъ его юный Царь Алексѣй Михайловичь, слышавшій уже о благочестіи и примѣрной жизни Никона. При свиданіи, его пріятно поразили и необыкновенная величественная наружность, и умная, краснорѣчивая бѣсѣда пустыннаго игумна, и онъ рѣшился оставить Никона при себѣ. По волѣ Государя, Никонъ посвященъ былъ въ Архимандрита Московскаго Новоспасскаго монастыря. Скоро сдѣлался онъ такъ близокъ къ Государю, что имѣлъ порученіе принимать прошенія и докладывать объ удрученныхъ бѣдностію и насиліемъ. Въ 1648 году облеченъ онъ былъ въ санъ Митрополита Новгородскаго и вступилъ въ управленіе ввѣренной ему паствы.

Здѣсь кругъ дѣйствія его не ограничивался властію духовною: ему дано было право входить во всѣ дѣла гражданскія, наблюдать за всѣми, и миловать по усмотрѣнію своему осужденныхъ законами, донося объ этомъ Государю.

Готовностію пожертвовать своею жизнію ради блага общественнаго, Никонъ вскорѣ доказалъ, что не напрасно взысканъ Царскими милостями.

Въ 1650 году, своякъ Царя, боярин Морозовъ, бывши за два года передъ тѣмъ причиной мятежа въ Москвѣ, подалъ поводъ, не справедливостями своими, къ возмущенію и въ Новгородѣ. Преслѣдуемый заговорщиками, Новгородскій воевода князь Хилковъ укрылся въ домѣ Митрополита, но буйная толпа ворвалась и туда. Никонъ, желая успокоить заблудшихъ, вы-

шелъ къ нимъ съ словами мира, но былъ такъ избитъ чернью, что его замертво внесли въ келію. Едва движущійся, онъ приготовился пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ къ смерти, велѣлъ вести себя на саняхъ къ Земской и Таможенной избамъ, гдѣ были собраны неистовые мятежники, и сказалъ имъ: „Дѣти! я всегда проповѣдывалъ правду безъ страха, а теперь еще дерзновеннѣе возвѣщу ее. Ничто земное „не устрашаетъ меня, я укрѣпился „Святыми Тайнами и готовъ умереть; „я, какъ пастырь, пришелъ спасти „васъ отъ духа вражды и несогласія; „успокойтесь и лишите меня жизни, „если знаете какую либо вину, или не„правду мою противъ Царя и Госу„дарства! Я готовъ умереть съ радо„стію; но обратитесь къ вѣрѣ и по„виновенію.“ — Смущенные твердостію Пастыря мятежники присмирѣли.

Митрополитъ между тѣмъ далъ тайно знать обо всемъ случившемся Царю, и мало по малу мятежъ утихъ.

Мудрый и мужественный въ дѣлахъ гражданскаго управленія, Никонъ былъ необычайно ревностенъ къ устроенію порядка во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ. Превозмогая великія трудности, Никонъ обогатилъ себя многими свѣдѣніями, и потому яснымъ умомъ своимъ постигалъ все благо просвѣщенія и въ немъ видѣлъ надежное пособіе въ дѣлѣ исправленія нравовъ духовенства и чина церковнаго. Онъ заводилъ училища, учредилъ въ Хутынѣ монастырѣ Типографію, которая потомъ, въ 1666 году, была переведена въ Воскресенскій новый Іерусалимскій монастырь, а въ 1680 году въ Москву, во дворецъ, и названа *верхней*. Отъ юности подвижникъ благочестія, онъ былъ строгимъ исправителемъ нравовъ ду-

ховенства и неутомимо поучалъ народъ, который издалека стекался въ Софійскую церковь внимать пламенно-краснорѣчивымъ проповѣдямъ Никона, которыми замѣнилъ онъ прежнія чтенія избранныхъ поученій, уставленныхъ на каждый день. Заботами набожнаго Митрополита, ревнителя порядка, введенъ строгій чинъ въ обряды богослужебныя, введено стройное партесное пѣніе вмѣсто прежняго не благозвучнаго; его попеченіями устроялись храмы, улучшались ризницы.

Зимнее время Митрополитъ Никонъ проводилъ обыкновенно въ Москвѣ, и тогда совѣтуясь съ нимъ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, благочестивый Царь старался и въ Москвѣ вводить, подъ его руководствомъ, тѣ улучшенія въ порядкѣ церковномъ, какія сдѣланы были въ Епархіи Новгородской.

Пользуясь милостивымъ расположеніемъ монарха, Никонъ далъ ему совѣтъ перенести мощи Св. Филиппа Митрополита Московскаго, изъ Соловецкой обители, въ Москву. Онъ всегда имѣлъ особенное благоговѣніе къ памяти Святителя Филиппа, близъ Святыхъ мощей котораго, на Соловкахъ, полагалъ начало жизни подвижнической. Въ послѣдствіи онъ устроилъ въ патріархіи храмъ во имя Св. Апостола Филиппа, ангела Святителева, и свою знаменитую Иверскую обитель, устроенную въ подобіе Аѳонской горы, посвятилъ Божіей Матери и Святителю Филиппу. Государь согласился, и порученіе перенести Св. мощи возложено на Никона. Когда Никонъ возвратился съ мощами Святителя Филиппа въ Москву, Патріарха Іосифа уже не было въ живыхъ, и на соборѣ, созванномъ волею Царя, Митрополитъ Новгород-

скій былъ избранъ въ Патріарха. Долго не соглашался Никонъ принять высокій санъ, опасаясь духа партій. Многіе ненавидѣли его: нѣкоторые съ завистію смотрѣли на довѣріе, которымъ пользовался онъ у Царя, а большая часть видѣла въ немъ отступника отъ старины, ибо онъ говорилъ о необходимости исправить церковныя книги искаженныя переводчиками и переписчиками, свѣривъ ихъ съ греческимъ текстомъ. Заведеніе училищъ казалось тоже преступленіемъ въ глазахъ людей, находившихъ свои выгоды въ общей необразованности. Торжественно въ Успенскомъ Соборѣ убѣждалъ его Государь принять жезлъ патріаршескій; но Никонъ не прежде изъявилъ согласіе, какъ услышавъ клятвенное обѣщаніе бояръ и народа въ томъ, что будутъ всегда почитать его, какъ истиннаго архипастыря и отца духовнаго, и дадутъ ему

устроить дѣла церковныя. 25-го Іюля 1652 года онъ посвященъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Сдѣлавшись Патріархомъ, Никонъ приступилъ рѣшительно къ приведенію въ исполненіе мысли своей, которая никогда непокидала его: онъ убѣдилъ Царя созвать соборъ, на который приглашены были извѣстнѣйшіе ученые мужи духовные. Къ этому времени доставлены были многія драгоцѣнныя рукописи, собранныя на востокѣ келаремъ Сергіева монастыря Арсеніемъ Сухановымъ, который былъ предварительно отправленъ въ Св. мѣста, для изученія церковнаго устава. При возвращеніи его, разныя духовныя власти Церкви Греческой, отпустили съ нимъ до 200 рукописей, да самъ собралъ онъ около 500, изъ которыхъ иныя писаны были за 700 лѣтъ до тогдашняго времени, а одно Евангеліе за 1050

лѣтъ, всѣ эти сокровища хранятся въ патріаршей библіотекѣ, и по большой части скрѣплены, по листамъ, рукой Никона. Въ этоже время собраны были въ Россіи многія древнія книги, лѣтъ за 800 переведенныя съ греческаго. Въ 1654 году, съ одобренія Цареградскаго Патріарха, начато дѣло, и такъ усердно, что въ слѣдующемъ 1655 году напечатанъ былъ служебникъ. Также начаты были переводы книгъ Новаго Завѣта. Заботясь о благочестіи народа, патріархъ заботился и о просвѣщеніи его: книги географическія и историчестія были переводимы съ языковъ европейскихъ. Въ его библіотеку стекалось множество драгоцѣнныхъ рукописей, и между ними извѣстный Святословъ, сборникъ XI вѣка. Памятникомъ его собственной литературной дѣятельности остались: книга Кормчая, Лѣтопить русская, Рай мысленный, Увѣ-

щаніе о созиданіи монастыря на Кіѣ-островѣ, Канонъ о умиреніи Церкви Восточной для убѣжденія раскольниковъ, Поученіе о моровомъ повѣтріи, Правила Св. Апостоловъ, 7 вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборовъ (исправленнаго перевода), Скрижаль или толкованіе на Литургію, Слово о крестномъ изображеніи, Уложеніе Собора, Брашно духовное, Избранные псалмы, каноны, молитвы. Въ этихъ полезныхъ трудахъ Патріарха, невѣжество и зависть нашли предлогъ къ обвиненію его въ нововведеніяхъ, въ презрѣніи старины, въ искаженіи книгъ, по которымъ отцы и дѣды спасались, и старались возбудить въ народѣ духъ непокорности, когда правительство стало раздавать книги новаго изданія, и отбирать старыя. Недоброжелатели старались вредить Никону всѣми возможными способами.

Среди этой борьбы съ невѣжествомъ

и злобою, одно могло утѣшить Никона, искренняя любовь къ нему Государя; любовь, которая наполняла обоихъ до такой степени, что они казались однимъ человѣкомъ въ дѣлахъ правленія, проводя всѣ дни вмѣстѣ на молитвѣ, въ совѣтѣ, или за дружественною трапезою; чтобы еще болѣе соединиться узами родства духовнаго, Патріархъ былъ воспріемникомъ всѣхъ дѣтей Государевыхъ отъ купели, и оба дали взаимную клятву не оставлять другъ друга до предѣловъ гроба. (*) Когда въ 1654 г. открылась Польская война и Государь пожелалъ присутствовать при войнѣ, то семейство свое поручилъ Никону и думные бояре обязаны были во всѣхъ дѣлахъ сообразоваться съ мыслями Патріарха. Въ это время свирѣпствовала въ Москвѣ и окресностяхъ моровая язва.

(*) Истор. Русск. Церкви, Муравьева.

Патріархъ ободрялъ народъ своими увѣщательными грамотами и мѣрами предосторожности: ставилъ крѣпкія заставы, открывая новыя дороги, очищалъ воздухъ посредствомъ курева, истощалъ всѣ средства. Имѣвъ на отвѣтственности царскую семью, онъ уговорилъ юную царицу оставить Москву и самъ проводилъ ее сначала въ Лавру, потомъ въ Калязинъ монастырь, и наконецъ (въ Февралѣ 1655 г.) по прекращеніи язвы, возвратилъ Государю, въ Вязьмѣ, семью его не вредимою. За это Государь даровалъ ему титло Великаго Государя, которымъ именовался только дѣдъ Алексѣя Михайловича, Патріархъ Филаретъ Никитичь; но Никонъ не позволялъ возглашать его въ церквахъ. Дружба между Царемъ и Патріархомъ возрастала, а между тѣмъ при дворѣ царскомъ втайнѣ строились ковы, которыхъ цѣлію было расторже-

ніе этого духовнаго, умилительнаго союза Самодержца съ Первосвятителемъ; выжидали только удобнаго времени.

Въ 1656 году, Патріархъ началъ строить, съ Царскаго дозволенія, Воскресенскій монастырь. Онъ часто проѣзжалъ чрезъ это мѣсто въ Иверскую обитель, и полюбилъ его. Часто отлучался онъ изъ Москвы для надзора за построеніемъ новой обители и этими отсутствіями воспользовались враги его, чтобы охладить къ нему сердце Государя. Главными недоброжелателями его при дворѣ были первостепенные бояре и родственники царскіе Морозовы, Милославскіе, Стрѣшневы. Они завидовали близости Никона къ Государю; его могуществу, его вліянію на дѣла; ихъ тяготило самое превосходство его ума, ихъ раздражалъ наконецъ тотъ повелительный тонъ, съ какимъ непреклонный Никонъ обращался съ ними при совѣ-

щаніяхъ о дѣлахъ Государственныхъ и при другихъ случаяхъ. Эти недовольные Никономъ совѣтники усиливали свою сторону нѣкоторыми изъ высшихъ сановниковъ духовныхъ.

Въ духовенствѣ Никонъ имѣлъ также сильныхъ враговъ, въ главѣ которыхъ стояли рукоположенные имъ Архіереи, Сарскій Питиримъ и Рязанскій Иларіонъ. Прошедши самъ всѣ степени и состоянія духовнаго чина, бывъ послушникомъ въ монастырѣ, Священникомъ въ селѣ и въ столицѣ, отшельникомъ въ дикомъ уединеніи, игумномъ въ бѣдной обители, Архимандритомъ богатаго монастыря, Митрополитомъ первостепенной Епархіи и наконецъ Патріархомъ, онъ испыталъ все, что только можетъ испытать лице духовное (*) и показавъ всюду строгій примѣръ нрав-

(*) Истор. Русск. Церкви, Муравьева.

ственности, требовалъ ее стольже строго отъ подчиненныхъ. Жестоко, темницею и біеніемъ наказывалъ онъ нетрезвость; никого не рукополагалъ во священники и діаконы безъ личнаго испытанія въ чтеніи и пѣніи. Это казалось для духовенства того времени слишкомъ стѣснительнымъ.

Недоброжелатели Никона, духовные и свѣтскіе, прикрывали свои настоящія побужденія усердіемъ къ благу церкви и государства, къ справедливости и достоинству царской власти, представляли, что Никонъ портитъ церковныя книги и тѣмъ возмущаетъ православный народъ, самоуправствуетъ въ дѣлахъ церкви, попирая ея уставы и помрачаетъ своею славою честь Государя. Они пользовались всякимъ случаемъ къ возбужденію Государя противъ Патріарха, и достигли того, что нѣкоторыя собственно церковныя рас-

поряженія Патріарха начали быть отмѣняемы Государемъ, свиданія сдѣлались рѣдки. Никонъ замѣтивъ это, сталъ чаще удаляться въ Воскресенскій монастырь, гдѣ предался трудамъ иноческимъ. До царя доходили рѣзкіе отзывы Патріарха о новомъ порядкѣ вещей. Однако же молящее сердце монарха влекло его къ другу и взаимное чувство ихъ пріязни трогательно обнаружилось въ послѣдній разъ, при освященіи деревянной церкви въ Воскресенскѣ. Съ горы, названной Элеономъ, Государь, обозрѣвая живописную мѣстность, сказалъ, что это мѣсто прекрасно какъ Іерусалимъ. Потому и наречена обитель Воскресенская Новымъ Іерусалимомъ. Но сія дружба однажды сильно поколебавшаяся, не могла быть возстановлена; враги Никона не дремали. При одномъ торжественномъ случаѣ былъ

оскорбленъ царскимъ окольничимъ боярин патріаршій. Патріархъ хотѣлъ объясниться съ Царемъ, но не былъ допущенъ, и даже принужденъ былъ выслушать обидныя рѣчи царедворца.—„Отнынѣ я уже не Патріархъ“, сказалъ онъ тогда къ народу, въ Успенскомъ соборѣ; поставилъ къ иконѣ Владимирской жезлъ патріаршій и, въ убогомъ одѣяніи инока, вышелъ изъ Кремля въ сопровожденіи смятеннаго народа, который плакалъ и старался удержать своего Архипастыря. Народъ былъ привязанъ къ Никону за его благотворенія. Патріархъ устроилъ въ Москвѣ многія богодѣльни, одѣлялъ милостынею и утѣшительнымъ словомъ убогихъ и заключенныхъ въ темницы, допускалъ нищихъ къ своей праздничной трапезѣ, за утѣсненныхъ ходатайствовалъ предъ Царемъ. Эту привязанность народа могли поколе-

бать враги Никона только тѣмъ, что представляли въ немъ народу презрителя священной старины. Разгнѣванный Патріархъ немедленно уѣхалъ въ Воскресенскъ, куда прибылъ вслѣдъ за нимъ бояринъ увѣщевать его отъ имени Царя. Никонъ былъ непреклоненъ и отвѣчалъ, что ради спасенія душевнаго ищетъ безмолвія, отрекается отъ патріаршества, и проситъ себѣ только въ управленіе монастыри Воскресенскій, Иверскій и Крестный; благословляетъ Митрополиту Крутицкому Питириму управлять церковными дѣлами, и смиренно, въ письмѣ своемъ, просилъ у Царя прощенія за скорый свой отъѣздъ изъ Москвы.

Никонъ видѣлъ, какъ стараются отнять у него любовь Царя и народа, и не могъ помочь себѣ. Это чувство собственнаго безсилія для человѣка, недавно столь могущественнаго, по-

трясло душу Никона, и онъ сдѣлался до крайности подозрителенъ и раздражителенъ. Онъ былъ въ Воскресенскѣ, когда разнесся слухъ о нашествіи Крымцевъ. Государь встревоженный опасностію Никона въ беззащитной обители, предложилъ ему переѣхать въ укрѣпленный Калязинъ. Никонъ понялъ это предложеніе такъ, что его хотятъ засадить въ крѣпость, и сказалъ посланному отъ Царя: „знаю, есть для меня покрѣпче мѣсто у Зачатейскаго монастыря“, намекая на городскую тюрьму.

Никонъ былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что Питиримъ, которому благословилъ онъ управлять церковію на время своего отсутствія, не только вошелъ во всѣ права и преимущества Патріарха, но и не возглашалъ имени Никона на эктеніяхъ, и тѣмъ что по проискамъ враговъ былъ вскрытъ его

домашній архивъ, гдѣ хранились и тайныя дѣла государственныя, и письма духовныхъ его дѣтей. — Онъ такъ раздражился этими оскорбленіями, что предалъ враговъ своихъ анаѳемѣ. Каждымъ подобнымъ случаемъ пользовались его недоброжелатели, чтобы возбудить противъ него неудовольствіе Государя. Болѣе года продолжавшееся отсутствіе Никона, отшедшаго на Бѣлое море въ Крестный монастырь, подало имъ возможность окончательно устроить Патріарху погибель. Если бы Никонъ умѣлъ смягчить гнѣвъ Царя вначалѣ, то побѣда осталась бы за нимъ. Царь былъ справедливъ и добродушенъ; но онъ допустилъ природной твердости своей перейти въ упорство и жесткость, раздражался, предавался гнѣву и потому враги восторжествовали. Никонъ, проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ,

занимался составленіемъ Русской лѣтописи, на которую часто ссылается знаменитый Исторіографъ нашъ Карамзинъ. Сверхъ того трудился онъ, сначала надъ построеніемъ скита своего, а съ 1665 года, каменнаго храма Святаго гроба; самъ носилъ камни, известь, воду. Ревностно посѣщалъ храмъ Божій, и благотворилъ всему окрестному населенію. Царь, слыша о его неутомѣрныхъ трудахъ, молитвахъ, благотворительной и строгой жизни, неоднократно посылалъ ему деньги и оказывалъ разныя знаки милости. Враги опасались, чтобы не возвратилась къ нему прежняя благосклонность царская, и всѣми средствами препятствовали свиданію его съ Государемъ, боясь, чтобы откровенное, личное объясненіе не разрушило всѣ козни ихъ.

Понимая все это, одинъ изъ бояръ, Зюзинъ, болѣе всѣхъ приверженный

Никону, вздумалъ услужить Патріарху и сдѣлался невольной причиной окончательнаго паденія его; онъ написалъ къ Патріарху письмо, въ которомъ призывалъ его въ Москву, увѣряя что этого пріѣзда желаетъ самъ Государь. Никонъ пріѣхалъ, и нетолько не могъ видѣться съ Царемъ, но еще поступокъ его былъ признанъ дерзкимъ, и съ разрѣшенія Константинопольскаго Патріарха, онъ былъ потребованъ къ суду, а Зюзинъ за свою дерзновенную выходку необдуманнаго доброжелательства былъ сосланъ въ Казань. Судъ надъ Никономъ, начатый еще въ 1660 году, облекся всею торжественностію собора, подъ предсѣдательствомъ Патріарховъ — Александрійскаго и Антіохійскаго.

Передъ отъѣздомъ изъ Воскресенска, Никонъ напутствовалъ себя исповѣдью, пріобщеніемъ и елеосвященіемъ,

и сказалъ ожидавшимъ его чиновникамъ: „теперь я готовъ.“ Онъ остановился въ Китай-городѣ, на подворьѣ, окруженномъ воинскою стражею. На засѣданіе собора, бывшее во дворцѣ, явился Никонъ въ предшествіи Патріаршаго креста и, замѣтивъ, что не приготовлено для него мѣста наравнѣ съ восточными Патріархами, не сѣлъ; но стоя слушалъ обвиненія изъ устъ самаго Государя, который жаловался собору на смуты произшедшія въ Церкви отъ того, что Никонъ самовольно оставилъ престолъ. Никонъ свидѣтельствовалъ, что удалился избѣгая царскаго гнѣва. Враждебные Патріарху Архіереи начали поносить его, и одинъ изъ нихъ занесъ на него руку. Слезы потекли изъ очей кроткаго Царя при видѣ униженія, которому подвергся человѣкъ, нѣкогда столь близкій ему. Такъ какъ Никонъ оправдалъ себя во мно-

гихъ пунктахъ, то не всѣ Епископы готовы были осудить его, и сами восточные Патріархи поколебались. При началѣ втораго засѣданія собора ни одинъ голосъ не возвысился противъ Никона изъ среды духовенства. Никонъ сказалъ тогда обратясь къ Царю: „Государь! Девять лѣтъ приготовляли то, въ чемъ хотѣли сегодня обвинить меня, и никто не можетъ промолвить ни слова, никто не отверзаетъ устъ. Тщетны всѣ замыслы; повели имъ побить меня камнями, они тотчасъ исполнятъ приказъ. Если же и еще девять лѣтъ будутъ выдумывать клеветы, то и тогда ничего не найдутъ противъ меня.“ Эти слова какъ будто развязали языкъ одному изъ Епископовъ отъявленному врагу подсудимаго. Скорбящее сердце Царя не вынесло горестнаго положенія бывшаго друга. Не слушая обвинителя, Царь тихо сошелъ

съ своего трона и, приблизясь къ Никону, говорилъ ему, перебирая рукою лѣстовки (ременные четки) Патріарха: „О святѣйшій, зачѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовясь къ Собору какъ бы на смерть? Или, думаешъ, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя во время язвы, и прежнюю нашу любовь?“ Никонъ также тихо говорилъ въ защиту свою, но тутъ же предрекалъ свое осужденіе. Царь удалился. Это было послѣднее ихъ свиданіе въ сей жизни: 12 Декабря на третьемъ засѣданіи, уже не во дворцѣ, а въ малой Благовѣщенской Церкви, надъ вратами Чудова монастыря, Государь не присутствовалъ. Никону прочли обвинительные пункты, и, отъ имени всѣхъ Патріарховъ, приговоръ, которымъ онъ лишенъ сана съ сохраненіемъ иночества, и опредѣленъ къ заточенію на вѣчное покаяніе

въ пустынной обители. Патріархи велѣли ему снять клабукъ съ жемчужными Херувимами; Никонъ отрекся сложить съ себя этотъ знакъ иночества и сказалъ: „за чѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой церкви, а не въ томъ Соборѣ Успенія, гдѣ нѣкогда умоляли меня вступить на Патріаршій престолъ, нынѣ неправедно и втайнѣ меня низлагаютъ? Ибо я,“ продолжалъ онъ, былъ избираемъ въ присутствіи Государя, со слезами убѣждавшаго меня принять жезлъ правленія и осужденъ долженъ быть въ его присутствіи; народъ Русскій былъ свидѣтелемъ клятвъ моихъ предъ Богомъ; вы же, не правый судъ произвели тайно; вы осудили меня въ присутствіи однихъ клеветниковъ моихъ.“ Съ него сняли клобукъ, но не тронули мантіи и посоха, которые отобраны у него уже по прибытіи въ мѣсто заточенія. Изъ рус-

скихъ Архіереевъ Лазарь (Барановичь) Черниговскій, Симонъ Вологодскій и Мисаилъ Коломенскій уклонились отъ участія въ дѣйствіяхъ этого засѣданія.

Осужденнаго отвели, подъ стражей, на Земскій дворъ, какъ преступника, осыпая его поношеніями. Никонъ перенесъ это испытаніе съ твердостію. Между тѣмъ всѣ приверженцы его были разсѣяны, и онъ съ нѣсколькими монашествующими отправленъ въ бѣдный Бѣлозерскій Ферапонтовъ монастырь. Это было въ жестокіе морозы. Никонъ не имѣлъ даже теплой одежды; но не принялъ присланные ему на дорогу деньги и соболій мѣхъ, а довольствовался шубой провожавшаго его, Новоспасскаго Архимандрита Іосифа. Дорогой обращались съ нимъ жестоко, лишая даже насущнаго хлѣба, а по прибытіи намѣсто отвели тѣсныя кельи, похожія на темницу. Передъ кончи-

ной только Царя Алексѣя Михайловича была нѣсколько облегчена участь его: велѣно было отбить желѣзные затворы отъ оконъ и дверей; въ монастырѣ имѣлъ онъ домовую церковь, гдѣ раздѣлявшими его заточеніе иноками, отправляема была для него божественная служба.

И въ это время, среди этихъ бѣдствій, духъ Никона не поколебался! Безъ ропота переносилъ онъ страданія, очищалъ умъ и сердце смиренной молитвой и покаяніемъ, тѣло изнурялъ всегдашними трудами. Онъ носилъ на себѣ желѣзныя вериги и маленькій серебряный ковчегъ съ Св. дарами. Въ этомъ заключеніи пробылъ Никонъ до вступленія на престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича.

Великая Княжна Татьяна Михайловна, сестра Алексѣя Михайловича, которая всегда уважала Никона, уго-

ворила новаго Государя посѣтить забытый Воскресенскъ, возвратить Никона въ эту, имъ созданную и любимую обитель. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образу Іерусалимскаго храма, Государь тутъ же объявилъ волю свою продолжать строеніе, а по возвращеніи своемъ, велѣлъ даровать свободу Никону. Это было въ 1681 году. Никонъ удрученный дряхлостію лѣтъ и немощію тѣла, былъ тяжко болѣнъ, и еще до указа Царскаго облекся въ схиму, однакоже получивъ повелѣніе немедленно началъ собираться въ путь. Съ трудомъ посадили его въ сани, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ. Отсюда плылъ онъ Волгою внизъ къ Ярославлю, и причалилъ у Толгскаго монастыря. Онъ начиналъ крайне изнемогать и пріобщился запасныхъ даровъ изъ рукъ духовнаго отца своего Кирил-

ло – Бѣлоезерскаго Архимандрита Никиты.

Въ то время какъ стругъ двинулся къ другому берегу, Никонъ началъ кончаться; онъ самъ оправилъ себѣ волоса, бороду и одежду, сложилъ крестообразно руки, вздохнулъ — и отошелъ съ миромъ 17-го Августа, въ 4 часа пополудни. Ему было 76 лѣтъ, 2 мѣсяца, и 24 дня отъ рожденія.

Уже усопшаго везли его со всѣми возможными почестями. До привезеніи тѣла прибыли въ Воскресенскій монастырь Государь съ семействомъ и дворомъ. 26-го Августа прибыло тѣло въ деревню Мокрушу, и тутъ Воскресенскій Архимандритъ Германъ съ братіею, по повелѣнію Царя, возложилъ на усопшаго Патріаршую мантію съ источниками, панагію и все облаченіе, приготовленное на случай кончины покойнымъ, еще до изгнанія его. Со всею

торжественностію совершено отпѣваніе въ присутствіи высокихъ особъ. Тѣло, отъ Элеонской часовни, несено въ церковь Св. Предтечи, подъ Голгоѳою на мѣсто погребенія Царя-Священника Мельхиседека, гдѣ самъ Никонъ, въ бытность свою въ монастырѣ, ископалъ себѣ могилу. Послѣ погребенія Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь отправилъ къ четыремъ восточнымъ Патріархамъ просьбу, писанную имъ собственноручно, о разрѣшеніи и причисленіи Никона опять къ Россійскимъ Патріархамъ. Они разсмотрѣвъ докозательства великихъ качествъ, добродѣтелей и подвиговъ Никона на паствѣ, страданій и высокаго смиренія въ заточеніи, прислали грамоты разрѣшительныя отъ всего, въ чемъ былъ связанъ онъ ихъ предшественниками, и пріобщили его ко Всероссійскимъ Патріархамъ.

Въ Соборѣ, подъ Голгоѳою устроена

церковь, возобновленная иждивеніемъ духовника покойнаго Императора Александра, Ѳеодора Дубянскаго, во имя Предтечи и всѣхъ мучениковъ вѣры Христовой, и тутъ-то положенъ Святѣйшій Патріархъ Никонъ. Надъ гробомъ его стоитъ образъ Божіей Матери изъ благовонной мастики, греческой работы, который былъ келейнымъ его образомъ, и всюду ему сопутствовалъ. Тутъ-же висятъ вериги, въ которыхъ 14 фунтовъ вѣса. Никонъ не снималъ ихъ въ теченіи 9 лѣтъ проведенныхъ имъ въ Новомъ Іерусалимѣ, ни во время 15 лѣтняго заточенія на Бѣломъ Озерѣ. На тумбу, прикрывающую склепъ въ которомъ похороненъ Никонъ, тогда-же положенъ былъ, Великой Княжной Татьяной Михайловной, бархатный покровъ, а въ 1757 году, прислала Императрица Елисавета Петровна другой, изъ богатой парчи,

украшенный золотымъ газомъ и бриліантовымъ крестомъ.

На хорахъ, около придѣла Св. Павла, сохраняется до сихъ поръ картина, на которой изображенъ Патріархъ во весь ростъ, на амвонѣ, и въ полномъ облаченіи; около него стоятъ разноплеменные ученики его, братія новой обители, съ подписью имени надъ главою каждаго. „Лица ихъ уже начали тускнѣть и стираться отъ времени и сы„рости, помрачившихъ всю картину, „писанную съ натуры; но еще рѣзко „отдѣляется величественная фигура Ни„кона. Всею грудью и мышцами по„дымается онъ надъ главами его окру„жающихъ, и необыкновенный ростъ „его возвышенъ еще важною осанкою; „темнорусые, почти черные волосы „падаютъ изъ-подъ богатой митры на „широкія плеча, и густая темная бо„рода осѣняетъ грудь; строгое, отча-

„сти суровое выраженіе, въ правиль-
„ныхъ, большихъ чертахъ лица его,
„исполненнаго мужественной красоты;
„на устахъ нѣтъ привѣтливой улыбки,
„но сильная душа Никона напечатлѣ-
„лась въ огненныхъ черныхъ глазахъ,
„а чрезъ слишкомъ полтора столѣтія
„по его смерти, они будто еще гово-
„рятъ и проницаютъ душу;—внѣшній
„Никонъ вполнѣ отражалъ въ себѣ вну-
„треняго.“ (Муравьевъ. Путеш. по Св. мѣст. русск. 1836 г. стр. 109).

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Элеонъ! вотъ первое имя звучащее святыней древняго Іерусалима!

„Какое же избрать мѣсто для обозрѣнія и для воспоминаній,“ говоритъ Норовъ въ своемъ *Путешествіи по Святой землѣ, въ 1835 году* „если не то самое, которое было любимымъ уединеніемъ Спасителя, куда онъ всегда уклонялся съ Апостолами: „*иде по обычаю въ гору Элеонскую;*—днемъ училъ въ храмѣ, а ночи проводилъ на горѣ Элеонской,—говоритъ Св. Евангелистъ Лука (XXII. 39—XXI. 37);

и это мѣсто, есть самое живописное! Съ горы Элеонской развертывается весь Іерусалимъ и его окрестности— и отсюда начинается торжественное шествіе нашего Искупленія. Сядемъ подъ тѣнь этой вѣковой маслины, противу храма, откуда Іисусъ предрекъ кончину вѣка (Марка XIII отъ ст. 3 вся глава); гдѣ Онъ отвѣтствовалъ Апостоламъ говорившимъ: Учитель! посмотри какіе камни и зданія!— Не останется здѣсь камня на камнѣ. — Гдѣ Онъ такъ трогательно оплакивалъ Іерусалимъ (Матѳ. XXIII. 37).“

Элеономъ назвалъ Патріархъ Никонъ гору, противъ вратъ монастырскихъ, на которой воздвигъ онъ часовню. Съ этого мѣста обозрѣвали Царь Алексѣй Михайловичъ и Патріархъ мѣстность избранную для обители; объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ, внутри часовни: „Водрузися Святый Бо-

жественный Крестъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на сей горѣ Елеонѣ, отъ востока прямо Лавры святаго Живоноснаго Воскресенія на Святомъ Сіоне. Благословеніемъ Великаго Господина и Государя Никона Святѣйшаго Архіепископа царствующаго великаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Патріарха, того ради, понеже тишайшій Великій Государь Царь и Великій Князь Алексій Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, будучи въ зачатіи Лавры сея на освященіи храма Святаго Живоноснаго Христова Воскресенія древянаго. И по освященіи церкви походя окрестъ монастырскаго основанія и дошедъ сего мѣста, возшедъ на него, посмотря сюду и сюду на широту пространства полнаго, и возлюби е и нарече имя монастырю

Новый Іерусалимъ и честныя своея руки писаніемъ изобрази, егоже Патріархъ въ ковчежецъ сребренъ вложи, въ вѣчное благословеніе въ Лавре Святаго Воскресенія положи лѣта 7166 года а отъ еже по плоти Рождества Бога Слова 1657 года, Октября въ 18-й день.“

Здѣсь нѣтъ „вѣковыхъ маслинъ,“ но мы сядемъ подъ тѣнь березъ окружающихъ часовню, на ступеняхъ ведущихъ къ кресту, и начнемъ обозрѣніе.

Въ древнемъ Іерусалимѣ гора Вознесенія или Элеонская самая высокая изъ горъ облечающихъ его. Она, какъ и здѣсь, находится на Востокѣ; Пророкъ Захарія говоритъ (XIV. 3. 4.) „Изыдетъ Господь..... и станутъ нозѣ Его въ день онъ на горѣ Элеонстѣй, *яже есть прямо Іерусалиму на Востокъ.*“

Еще недавно вела отсюда къ монастырю березовая аллея, которая напоминала нѣсколько тотъ Геѳсиманскій садъ, въ которомъ Господь молился предъ своими страданіями.— Но теперь нѣтъ и слѣда этой аллеи, и все пространство до воротъ совершенно обнажено.

Вправо видѣнъ оврагъ или долина, названная Никономъ *Іосафатовой*. „И соберу вся языки и сведу я на юдоль Іосафатову. . . .“ сказано у Пророка Іоиля. „Да востанутъ и взыдутъ вси языцы на юдоль Іосафатову, яко тамо сяду разсудити вся языки яже окрестъ“ (III. 12.)

Патріархъ желая всѣмъ, даже далеко окружающимъ, возбудить воспоминаніе о Святомъ Градѣ придалъ многимъ мѣстамъ названія заимствованныя оттуда: долина, о которой сей часъ говорили мы, образовалась теченіемъ рѣки Истры—Истра названа имъ *Іор-*

даномъ, а протокъ близь монастыря *Кедрскимъ*. Село *Микулино*, которое видно за рѣкой—названо имъ *Селомъ Скудельничимъ* (земля горшечника купленная цѣною тридцати сребренниковъ, за которые Іуда продалъ Искупителя міра). — Въ древнемъ Іерусалимѣ это мѣсто ужасное, вотъ какъ пишетъ объ немъ Норовъ: „Это самое ужасное мѣсто Іерусалима. Очень рѣдко сюда заходитъ стопа человѣческая. Бродя по ребрамъ нагихъ скалъ, безпрестанно обрываешся въ трещины погребальныхъ пещеръ, и каждый обрывъ отзывается въ пустотѣ могильныхъ сводовъ. Царица Елена обратила землю крови къ прежнему ея назначенію — для погребенія странниковъ;“ (Матѳ. XXVII. 7.) „она обнесла ее стѣною; тутъ еще видны развалнны.“ — Верстахъ въ двадцати отъ Воскресенска село *Чернево*, наиме-

новалъ онъ *Назаретомъ*, мѣстомъ рожденія Пресвятой Дѣвы, (Четьминея, 8 сент.) гдѣ получила она благовѣстіе (Мар. I. 9—Лук. I. 26). Позади монастыря, на западъ, двѣ горы: одна названа *Θаворомъ*, о которой говоритъ Евангелистъ Матѳей: „По прошествіи шести дней взялъ Іисусъ Петра и Іакова и Іоанна брата его и возвелъ *на гору* высокую однихъ, и преобразился предъ ними“ (XXVII. 1, 2), другая—*Эрмономъ*. Колодезь близь монастыря—*Купелью Силоамской*, въ воспоминаніе той купели, при которой прозрѣлъ слѣпой отъ рожденія (Іоан. IX. 7).

Преданіе говоритъ, что Никонъ посадилъ самъ *дубъ* для того, чтобъ изображалъ онъ тотъ *Мамврійскій дубъ*, подъ которымъ Авраамъ принималъ трехъ мужей (Кн. Бытія XVIII. 1—9). Никоновъ дубъ насажденный за двѣ-

сти почти лѣтъ, неподалеку отъ монастыря, показываютъ и теперь близь башни, носящей названіе *Давыдовой*.

Между тѣмъ мѣстомъ на которомъ находимся мы, и монастыремъ, влѣво, *садъ* именуется *Урішнымъ*. Объ этомъ садѣ упоминается въ Библіи, въ исторіи Давида Царя — Пророка.

За нимъ гораздо далѣе, и еще лѣвѣе, безъ священнаго значенія, видны *село Рубцово* и *дер. Сычевка*, принадлежавшія покойному Дм. Пав. Голохвастову.

Но пора! пора идти намъ къ монастырю, гдѣ будутъ чередой смѣняться передъ нами воспоминанія о земной жизни Искупителя, избавившаго человѣка отъ „грѣха, проклятія и смерти;“ гдѣ прослѣдимъ мы, какъ по книгѣ, всю высоко-утѣшительную и глубокогорестную евангельскую повѣсть стра-

даній Его, до послѣдней минуты спасительнаго земнаго странствованія.

Не должно думать, чтобъ все, что видимъ мы и увидимъ еще, успѣлъ создать и окончить основатель этой обители. Въ 1656 году построилъ онъ, сначала, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь соборъ, небольшую деревянную церковь, во Имя Воскресенія Христова. Тотъ же Келарь Сергіевой Лавры, Іеромонахъ Арсеній Сухановъ, который былъ посланъ для изученія въ Палестинѣ чиноположеніе греческихъ церквей, привезъ съ собой въ 1665 году, модели Іерусалимскаго и Виѳлеемскаго храмовъ, и тогда приступилъ Патріархъ къ созиданію настоящаго Собора; при немъ доведенъ онъ былъ почти до сводовъ. Съ низложеніемъ его и ссылкой остановились работы на 13 лѣтъ, и только при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, особеннымъ усердіемъ благочестивой Ца-

ревны Татіаны Михайловны, начали онѣ опять производиться, но зданіе окончано лишь въ 1685 году, уже при двухъ Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, и храмъ освященъ Патріархомъ Іоакимомъ. Въ 1723 году большой каменный шатеръ, надъ ротондою Св. Гроба, обрушился отъ тяжести, въ самый день Вознесенія Господня, и не прежде какъ въ 1748 году состоялся Указъ Императрицы Елисаветы Петровны, которымъ повелѣно было возобновить обитель; работа ввѣрена была извѣстному архитектору Графу Растрелли. Архимандритъ Амвросій Зертись-Каменскій, въ послѣдствіи Архіепископъ Московскій, уроженецъ г. Нѣжина, убіенный на 63 году, мученически, во время чумы, въ 1771 году, былъ ревностнымъ исполнителемъ воли монаршей, и онъ, послѣ Патріарха Никона, можетъ почитаться вторымъ создателемъ Новаго Іерусалима.

Еще до полученія моделей и заложенія теперь существующаго храма, заложилъ Никонъ, въ 150 саж. отъ монастыря, особый скитъ для уединеннаго своего моленія и богомыслія. Тѣсное зданіе это, въ которомъ помѣщается двѣ чрезвычайно малыя церкви: одна въ третьемъ ярусѣ во Имя Богоявленія Господня, а другая въ четвертомъ во Имя Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и въ которомъ провелъ Никонъ девять лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ смиреніи, о томъ умерщвленіи плоти, которыя вмѣстѣ съ жесткою непреклонностію Патріарха составляютъ хотя, по видимому, противоположныя, но рѣзкія черты характера Никона. Тутъ хранятся липовый столъ его, посохъ, два деревянные потира и напрестольный крестъ. Надъ каменнымъ ложемъ его помѣщена нынѣ копія (хромотипія) съ той картины, о которой говорили мы

выше, изображающей Патріарха съ учениками, (стр. 83) работы академика Солнцева. Обойдя кругомъ монастыря, и полюбовавшись чудными видами, подойдемъ къ святымъ вратамъ и вступимъ наконецъ въ обитель.

Взглянемте на представляющееся намъ зданіе, глазомъ краснорѣчиваго паломника нашего А. Н. Муравьева: „Изъ подъ высокой арки святыхъ воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зданія собора съ восточной ихъ стороны: — это чудная гора малыхъ куполовъ и главъ, своенравными уступами восходящая до двухъ главныхъ куполовъ храма, и вся сія гора на разныхъ высотахъ усѣяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхожденіе наше. Но хотя зрѣлище сіе великолѣпно и вполнѣ достойно громкаго названія Новаго Іерусалима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Прав-

да, и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполъ надъ олтаремъ, а глава выходящая изъ земли надъ церковью Обрѣтенія, но всѣ безъ крестовъ, и все кругомъ застроено терасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авраама и Аббисинцевъ и древнею Патріархіею; такъ что примѣтны только два купола надъ соборомъ; все же зданіе является въ видѣ огромной полуразрушениой твердыни, которой терасы сперва разбили люди, а потомъ время. А здѣсь напротивъ, все еще ново и свѣжо: четыре малыя часовни, едва подымаясь поверхъ земли, окружаютъ большой куполъ подземной церкви Обрѣтенія; еще выше двѣ легкія главы по обѣимъ сторонамъ соборнаго олтаря знаменуютъ многочисленные предѣлы внутренней галлереи, и еще двѣ главы надъ Голгоѳою и Геѳсиманіею, съ южной и сѣверной стороны храма, до-

вершаютъ стройную красоту зданія, правильнаго въ частяхъ своихъ, когда въ Іерусалимѣ самая мѣстность не позволяла соблюдать симметріи.“

„Но не смотря на сіе несходство, отрадно отдыхаютъ взоры на пышномъ игривомъ зодчествѣ сего храма. Забывшись можно подумать, что такимъ былъ нѣкогда и священный его подлинникъ, когда по манію царицы Елены возникъ онъ, во всемъ величіи Римскаго зодчества и могущества изъ груды камней и земли покрывавшихъ ужасы Голгоѳы и Св. Гроба.“ (Пут. по Св. мѣс. Русск. стр. 93). Вправо и влѣво, вдоль стѣнъ монастырскихъ, тянутся келіи братіи, а у западныхъ, закрытыхъ воротъ зимняя, тоже соборная, теплая церковь во имя *Рождества Христова*. При ней же палаты, которыя были прежде трапезами для братіи; хотя предполагалось уст-

роить здѣсь все по плану Палестинской Виѳлеемскій церкви, но предложеніе это не осуществилось. Послѣ отдѣлки верхней церкви, четыре остальныя были не отдѣланы до 1775 года, когда приступлено къ нимъ по повелѣнію Императрицы Екатерины II, и окончательно отдѣланы: 1) *Поклоненіе Волхвовъ* — Графомъ Остерманомъ, въ 1787 году. 2) *Избіеніе отъ Ирода младенцевъ*—Княгинею Е. Ѳ. Мещерскою, въ 1789. 3) *Удаленіе Іосифа со Христомъ и Богоматерію въ Египетъ* — Княгиней А. Я. Грузинской, въ 1784, и 4) *Обрѣзаніе Господне;* — въ 1782 году Г. Савинымъ и потомъ возобновлена Г-жею Ушаковой.

Когда не идетъ служба, посѣтителя обыкновенно вводятъ въ храмъ съ сѣвера. Нѣсколько шаговъ и мы подъ куполомъ, имѣющимъ въ вышину 22 сажени, отъ

пола до свода; снаружи вышина его по конецъ креста 30 саженъ. Влѣво иконостасъ, а за нимъ олтарь, къ которому мы возвратимся послѣ. Вправо арка и величественный шатеръ надъ часовней Гроба Господня. Благодаря просвѣщеніе всегда найдется образованный инокъ-чичероне, который охотно разскажетъ любопытствующимъ все любопытное, и разсказомъ своимъ и предметомъ разсказа возбудитъ въ душѣ богомольца то неоцѣненное чувство, которое дается такъ рѣдко намъ грѣшнымъ, увлеченнымъ и увлекающимся вихремъ мірскихъ суетъ. Кто, окруженный здѣсь священными воспоминаніями, не восхитится мыслію въ настоящій Іерусалимъ, на мѣсто, которое съ такою истинною перенесено въ отечество наше и не вспомнитъ чудно осуществившіяся пророческія слова Іереміи: „И вся юдоль мертвыхъ“ (мѣсто гдѣ основанъ

храмъ Гроба Господня, называлось нѣкогда *юдолью мертвыхъ*) „и пепла и „предградія (*) до потока Кедрскаго, „даже до угла конскихъ вратъ восточ„ныхъ — будетъ священнымъ мѣстомъ „Господа и не истребится и не разру„шится во вѣки.“ (XXXI. 40).

Ротонда, посреди которой часовня Гроба Господня, состоитъ изъ осьмнадцати колоннъ соединенныхъ арками, а надъ ними три яруса хоръ уходящихъ въ вышину шатра. Все это зданіе освѣщено семидесятью пятью окнами. Окружность шатра 34 сажени, а отъ полу до оконечности креста 33 саж. Шестьдесятъ картинъ изображаютъ пророчества о Христѣ и страданія Его; приличные тексты оживляютъ воспоминанія. Снаружи часовня вся вызолочена; внутри ея, въ подражаніе по-

(*) Въ словянскомъ „весь Ассоримовъ.“

длиннику изсѣченному въ скалѣ—гробъ; длина его 2 арш. 9 верш., ширина 1 ар. 5 вер. Хотя въ Іерусалимѣ точно также вертепъ Спасителя находится одинъ какъ и тутъ, но не должно думать чтобы онъ всегда былъ такъ: онъ входилъ въ общій составъ каменистаго хребта этого мѣста и примыкалъ къ другимъ гробовымъ пещерамъ; гроба Никодима и Іосифа Аримаѳейскаго находились возлѣ; они теперь вошли въ стѣну храма. Уравненіе мѣста было необходимо при построеніи храма, и погребальная пещера Спасителя была отсѣчена отъ прилежащихъ скалъ. Стѣны и самый гробъ покрыты мраморомъ послѣ посѣщенія Новаго Іерусалима Его Императорскимъ Высочествомъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1837 г., когда сопутствовавшій Ему А. Н. Муравьевъ доложилъ, что въ древнемъ Іерусалимѣ внутренность часовни мраморная.

По обѣимъ сторонамъ часовни двѣ новыя иконы: на правой сторонѣ *Воскресеніе Христово*, поставленное Московскимъ мѣщанскимъ обществомъ по случаю освященія Кремлевскаго Дворца— это русское молитвенное поздравленіе Русскаго Царя, съ русскимъ новосельемъ! На лѣвой — *Вознесеніе Господне*, отъ Московскаго купеческаго общества въ память рожденія Его Им. Выс. Великаго Князя Николая Константиновича.

Возвратимся въ средину собора, откуда повернули мы къ часовнѣ Гроба. Посреди его, ниже амвона діаконскаго, положена въ помостѣ чугунная плита, означающая средину храма и *всей вселенной*. Въ Іерусалимѣ стоитъ на этомъ мѣстѣ мраморная урна съ крестомъ, она означаетъ средоточіе земли. „Великій Первосвященникъ Мельхиседекъ, который прообразовалъ собою Спасителя, положилъ основаніе Іеруса-

лима, назвавъ его *Соммъ*; — словомъ означающимъ *миръ*. Это есть преданіе всѣхъ восточныхъ народовъ..... Основаніе Іерусалима, гдѣ совершилось спасеніе наше, предначертано, по словамъ Давида, прежде вѣка, Богомъ Царемъ нашимъ, *посреди земли* (Псал. LXXIII. 12). Это изреченіе не есть *аллегорія*," говоритъ Норовъ, Іезекіилъ вѣщаетъ глаголомъ Адонаі: *Сей Іерусалимъ, посреди языковъ положихъ его* (V. 5.) Географія очевидно представляетъ Іерусалимъ въ центрѣ земнаго населенія. Это мнѣніе также принято у народовъ Востока."

Отъ часовни Гроба, до олтаря, 12 саж., и еще 8 до Горняго мѣста; въ Іерусалимѣ же всего 18 саж. до Горняго мѣста, а изъ нихъ только 4 занимаетъ олтарь. Горнее мѣсто полукругло, на девяти ступеняхъ, и отъ заолтарнаго зданія отдѣлено низменною

каменною стѣною, на которой поставлены въ шести мѣстахъ столбы, по четыре вмѣстѣ, въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Между столбовъ пять престоловъ—четыре для восточныхъ Патріарховъ, а пятый для Русскаго. Противъ него, позади большаго иконостаса семь ярусовъ хоръ въ олтарѣ, въ прославленіе семи Вселенскихъ соборовъ. Въ этой соборной церкви во Имя *Воскресенія Христова*, можемъ мы приложиться къ мощамъ Св. Мученицы Татіаны, принесеннымъ въ даръ Царевной Татіаной Михайловной, возобновившей святую мысль о построеніи Новаго Іерусалима, и къ мощамъ разныхъ святыхъ находящимся въ серебряной дскѣ, на лѣвой сторонѣ олтаря. На правомъ клиросѣ образъ Христа Спасителя, сѣдящаго на Престолѣ; у подножія изображены Святитель Филипъ Митрополитъ Московскій, и Ни-

конъ Патріархъ; внизу вычеканена подпись: „Въ царство Благочестиваго Ве„ликаго Государя Царя и Великаго „Князя Алексія Михайловича, всея Ве„ликія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Са„модержца и Великаго Князя Литов„скаго, и при сынѣ его Благовѣрномъ „Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексіѣ „Алексіевичѣ написанъ бысть сей об„разъ Господа Бога и Спаса Нашего „Іисуса Христа къ умному боговидѣ„нію, всякому вѣрующему въ онь въ „присное поученіе повелѣніемъ и мздою „смиреннаго Никона Архіепископа цар„ствующаго великаго града Москвы и „всея Великія и Малыя и Бѣлыя Рос„сіи Патріарха настоящаго лѣта 7165, „а отъ плотскаго Христова Рождества „1675 года.“ У лѣваго клироса *Иверскія Божіей Матери*, присланная Никону изъ Аѳонскихъ горъ, во время его Патріаршества.

Прежде нежели пойдемъ далѣе, взойдемъ вмѣстѣ съ Муравьевымъ на галлерею Царской арки. „Мы поднялись,“ говоритъ онъ „на хоры съ южной ихъ стороны, по той лѣстницѣ, которая въ Іерусалимѣ ведетъ на Армянскую половину, гдѣ устроены двѣ ихъ церкви, и миновавъ малый придѣлъ благовѣрной Княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрѣлище меня поразило: во всѣ стороны, и вверхъ и внизъ, разбѣгались взоры по далекимъ хорамъ и извивистымъ галлереямъ, и подъ крутыя арки сводовъ, и въ глубину куполовъ, и на дно пространныхъ соборовъ, — и повсюду взоръ опирался въ какую либо роскошную церковь, въ златой или мраморный иконостасъ; вездѣ сіяла какая либо святыня, какъ бы зеркальное отраженіе двухъ главныхъ святилищъ соборнаго олтаря и Св. Гроба, сто-

ящихъ другъ противъ друга и подобно двумъ свѣтиламъ, раздробляющимъ лучи свои на безчисленныя вокругъ планеты.“

Дѣйствительно, только съ этихъ хоръ представляется соборъ во всемъ великолѣпіи своемъ! —

Обозрѣвъ главныя части собора, будемъ мы слѣдовать путемъ, по которому обыкновенно водятъ богомольцевъ, посѣтителей Новаго Іерусалима, желающихъ осмотрѣть все достопримѣчательное; а иначе собьемся мы въ этомъ множествѣ переходовъ, множествѣ предметовъ воспоминаній собранныхъ на такомъ относительно небольшомъ пространствѣ.

Влѣво, на сѣверъ, отъ той плиты о которой говорили мы выше (стр. 103), идя къ церкви *Успенія Богоматери*, находится темница, въ которой Христосъ Спаситель представленъ сидящимъ на камнѣ,

въ терновомъ вѣнцѣ, подъ хламидою. За темницею представляется Успенская Церковь, въ память Геѳсиманской темничной; ея иконостасъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ весь изразчатый. По правую сторону иконостаса стоитъ изображеніе *Животворящаго Креста*, писанное на холстѣ, и присланное сюда съ острова Кія, что на Бѣломъ морѣ, гдѣ Патріархъ Никонъ построилъ монастырь, называемый *Крестнымъ*. Въ галлереи, рядомъ съ большимъ олтаремъ, устроенъ въ 1846 году придѣлъ во имя *Рождества Пресв. Богородицы*, въ память рожденія Е. И. В. Великаго Князя Николая Александровича. Далѣе въ той же галлереѣ есть Церковь, возобновленная Т. С. Ѳед. Вас. Наумовымъ, *Св. муч. Логгина сотника*. Въ Іерусалимѣ въ этомъ придѣлѣ служатъ Арабы православнаго исповѣданія. Подлѣ этой Церкви были тамъ восточныя врата, которые те-

перь закладены турками. Здѣсь Церковь во имя *Св. Іулія* и *Великомучен. Екатерины*. Потомъ придѣлъ *Раздѣленія ризъ*. Пройдя этотъ придѣлъ подходимъ мы къ сходу въ подземную церковь *Св. Равноапостольной Царицы Елены*.

Утесъ гроба былъ глубоко засыпанъ землею евреями, а язычники воздвигли на немъ идолъ Юпитера, на Голгоѳѣ—Венеры, а въ Виѳлеемѣ—Адониса; этими статуями сохранили они, невольно, памятники мѣстъ земной жизни Спасителя. — Въ 326 году, осьмидесятилѣтняя Императрица Елена, задумала плыть въ Палестину, чтобъ обрѣсть животворящее древо Креста, и, черезъ 180 лѣтъ, сокрушить идоловъ временъ Адріана. Самые престарѣлые изъ евреевъ были призваны въ Іерусалимъ, для показанія мѣста, гдѣ утаили предки ихъ Крестъ, и одинъ изъ нихъ сознался, что онъ слышалъ, младенцемъ, отъ

дѣда своего куда былъ брошенъ Крестъ съ Голгофы. Онъ привелъ Царицу къ сѣверовосточной сторонѣ скалы. Съ теплыми молитвами приступила Елена къ благочестивому подвигу, и достигла вожделѣнной цѣли. Но изъ трехъ найденныхъ ею крестовъ, который былъ животворящій? — Не долго сомнѣніе тревожило Царицу: по совѣту Епископа Іерусалимскаго Макарія, она принесла всѣ три, къ смертному одру именитой жены Св. града, и, прикосновеніемъ одного изъ нихъ, изцѣлилась больная. — Пораженный этимъ чудомъ еврей (именемъ Іуда) обратился самъ къ христіанству и былъ въ послѣдствіи Святителемъ Іерусалима, подъ именемъ Кириака. Тогда обрушая идоловъ, Елена велѣла отрыть заваленный землею утесъ гроба. Замѣчательно, что храмъ Воскресенія хотя бы и долженъ былъ называться, по Арабски, *Кенисатъ аль*

кіа матъ (т. е. храмомъ Воскресенія) доселѣ называется *аль Комаматъ* — словомъ означающимъ груду обломковъ или праха, въ память построенія храма Еленою, когда она очистила это мѣсто запустѣнія. По *тридцати тремъ* ступенямъ, соотвѣтствующимъ числу лѣтъ земной жизни Спасителя, спускаемся мы и въ Новомъ Іерусалимѣ на туже глубину, на какой обрѣтенъ Животворящій Крестъ. Въ этой подземельной Церкви, обрытой по повелѣнію Императора Павла I-го, рвомъ для стока воды, два придѣла: одинъ во имя *Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены*, возобновленный Графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, а другой въ честь иконы *Божіей Матери*, нарицаемой: *Утоли моя печали* (*). Въ Іерусалимѣ

(*) Графомъ Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ.

тутъ придѣлъ Благоразумнаго Разбойника. Въ олтарѣ главнаго придѣла съ правой стороны окно: отсюда смотрѣла Царица, когда отыскивали Крестъ. Съ правой же стороны, подъ малой башней, колодезь съ чистой, свѣжей водой. Въ Іерусалимѣ въ этой же Церкви стоитъ олтарь во имя Священномученика Кириака, указавшаго мѣсто гдѣ скрытъ былъ Крестъ.

Отсюда возвратимся мы, и взойдя по лѣстницѣ, прежде всего встрѣтимъ придѣлъ противъ главнаго олтаря, соотвѣтствующій мѣсту, гдѣ воины вѣнчали Спасителя терновымъ вѣнцомъ. Тутъ, въ воспоминаніе, положенъ гладкій камень.

Подлѣ этой Церкви крыльцо, которое въ Іерусалимѣ ведетъ въ кельи, принадлежащія Патріарху и намѣстнику его.

Нѣсколько далѣе входъ, въ такъ называемую, Авраамову палатку; по преданію Іерусалимскому на этомъ мѣстѣ Праотецъ Авраамъ, по гласу Божію, хотѣлъ сына своего Исаака принести Ему въ жертву. У насъ здѣсь казнохранилище монастырское.

Отсюда, противъ южныхъ олтарныхъ дверей, находится лѣстница или *жалостный путь на Голгоѳу*.

Чтобы живѣе представить себѣ великое событіе крестнаго страданія и смерти Спасителя, припомнимъ себѣ тѣ мѣста, которыя служили образцемъ для созиданія здѣшней Голгоѳы. Въ Іерусалимѣ, также какъ здѣсь, двѣ Церкви: верхняя и нижняя; тамъ онѣ обѣ пристроены къ известково-меловому утесу, отвѣсно обсѣченному Еленой, и такимъ образомъ проникла внутрь разсѣлина треснувшей, во время ужасовъ Голгоѳскихъ, скалы: „и

земля потряслась и камни разсѣлись.“ (Св. Мат. XXVII. 51). У насъ со всею возможною точностію сохраненъ образъ Іерусалимской Голгоѳы.

Подъ жалостнымъ или крестнымъ путемъ устроена здѣсь, въ память усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, темница съ желѣзными рѣшетчатыми дверьми; въ Іерусалимѣ же ее нѣтъ, потому что глава Крестителя была отсѣчена въ градѣ Севастѣ, древней столицѣ Самаріи. Подъ Голгоѳой Церковь; здѣсь положенъ Патріархъ Никонъ, какъ мы уже говорили (см. стр. 82.) на томъ мѣстѣ гдѣ въ Іерусалимѣ предполагаютъ гробъ Мельхиседека.

Рядомъ съ придѣломъ Предтечи и всѣхъ вообще мучениковъ Церковь *Архангела Михаила*, въ возобновленіи которой учавствовала *придворная карлица* Евдокія Павлова. Подлѣ, придѣлъ *Преподобной Маріи Египетской*. Изъ

этого придѣла всходъ на крыльцо Царицы Елены, и съ него на гору Голгоѳу.

Тутъ, на возвышенномъ помостѣ, въ которомъ изсѣчена разсѣлина, на подобіе Іерусалимской, водруженъ Крестъ кипарисный, имѣющій въ вышину 4 и $^3/_4$ аршина. Три впадины обозначаютъ мѣста, гдѣ былъ Крестъ Спасителя и двухъ разбойниковъ. Обѣдню служатъ у насъ въ боковомъ придѣлѣ *Страстей Господнихъ*, что съ правой стороны. Всѣ служебныя книги, въ этомъ придѣлѣ, подписаны рукой бывшей тогда Великой Княгини, Императрицы Екатерины II-й.

Нельзя пройти и не обратить здѣсь вниманіе на двѣ картины, находящіяся на двухъ столбахъ, противъ Животворящаго Креста Господня: на одной изображены Св. Равноапостольный Царь Константинъ, Царь Алексѣй Михайло-

вичь и Святѣйшій Патріархъ Никонъ; на другой Св. Царица Елена, Царица Марія Ильинична, супруга Царя Алексѣя Михайловича и сынъ ихъ Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ;— очевидно что въ основѣ лежала мысль соединить въ этихъ изображеніяхъ царственныхъ созидателей древняго и новаго Іерусалима.

Спустившись съ Голгоѳы крестнымъ путемъ, встрѣчаемъ мы *камень Повитія и Мѵропомазанія*, на которомъ во Іерусалимѣ Іосифъ и Никодимъ, по снятіи со Креста тѣла Господня, обвили Его плащаницею и помазали благовоннымъ мѵромъ, прежде нежели отнесли въ пещеру гроба (Ев. Мат. XXVII. 59, 60. Мар. XV. 46. Лук. XXIII. 53. Іоан. XIX. 40, 41).

Замѣчательно, что здѣсь нѣкоторыя церковныя дѣйствія совершаются иначе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Мы

выпишемъ изъ „Путешествія по Св. мѣстамъ русскимъ“ слова Архимандрита, приведенныя Муравьевымъ: „Въ Новомъ Іерусалимѣ есть нѣкоторыя отличія въ самыхъ обрядахъ при Богослуженіи, перенесенныя отчасти съ Востока. Малые и великіе выходы во время литургіи совершаются здѣсь не изъ сѣверныхъ дверей олтаря въ соборъ, но изъ боковыхъ въ галлерею, и шествіе продолжается вдоль нея къ ротондѣ св. гроба, а оттолѣ чрезъ весь соборъ къ царскимъ вратамъ, которыя свѣщеносецъ отворяетъ снаружи, когда уже все духовенство стоитъ предъ ними. Но въ страстную седмицу священныя обряды становятся у насъ еще торжественнѣе и они совершенно напоминаютъ обряды древняго Іерусалима. Двѣнадцать Евангелій о страстяхъ Господнихъ читаются на Голгоѳѣ, предъ самымъ Крестомъ,

равно какъ и часы великаго Пятка, и у подножія сего-же Креста полагается Плащаница, для которой приготовляется два одра, одинъ на Голгоѳѣ, а другой внизу у камня мvропомазанія. Въ уставленный часъ, мы опускаемъ Плащаницу на холстахъ съ вершины священной горы и, въ память повитія, положивъ у камня на одрѣ, несемъ на ономъ около всего олтаря по галлереи въ соборъ Воскресенія, гдѣ остается она до утра Великой субботы. Тогда-же послѣ пѣнія *Слава въ вышнихъ Богу*, мы опять подымаемъ плащаницу вмѣстѣ съ одромъ и снова несемъ къ камню повитія, гдѣ читается трогательное Евангеліе: *По сихъ же моли Пилата Іосифъ иже отъ Аримаѳеи, сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисусово* (Іоан. XIX. 38). Оттолѣ шествіе продолжается вновь

кругомъ олтаря соборнаго, и кругомъ всей ротонды св. гроба, съ тремя литіями позади горняго мѣста: предъ раздѣленіемъ ризъ, у сѣверныхъ вратъ храма и позади часовни гроба, и послѣ я вмѣстѣ съ однимъ священникомъ троекратнаго вокругъ нея обхожденія, снявъ съ одра Плащаницу, вношу ее во гробъ и полагаю на камнѣ, гдѣ долженствовало лежать Божественное тѣло, а у самыхъ дверей гроба читается Евангеліе, оканчивающееся сими словами: *они же шедше утвердиша гробъ знаменавше камень съ кустодіею* (Мат. XXVII. 66).“

„На литургіи, другой не менѣе трогательный обрядъ умиляетъ сердце; во время пѣнія вечерней пѣсни *Свѣте тихій*, духовенство исходитъ изъ соборнаго олтаря и, обойдя всю ротонду, становится предъ часовнею гроба, и когда Церковь благоговѣйно внемлетъ

стихи сіи: *пришедше на западъ солнца видѣвше свѣтъ вечерній*, мы опять выносимъ изъ св. гроба Плащаницу и взошедши въ олтарь, разстилаемъ ее на престолѣ. Наканунѣ Вознесенія, въ праздникъ отданія Пасхи, снова повторяется вся утренняя церемонія великой субботы, съ тою только разницею, что Плащаницу не оставляютъ въ св. гробѣ, но тотчасъ же поднявъ съ камня, несутъ жалостнымъ путемъ на Голгоѳу, въ церковь страстей Господнихъ, гдѣ всегда она пребываетъ на престолѣ.“

„Возженіе святаго огня въ великую субботу“ (въ подраженіе того что дѣлается въ Іерусалимѣ) „воспоминается у насъ торжественно церемоніею въ самый день Пасхи. Подобно какъ и въ Палестинѣ, весь духовный соборъ въ полномъ облаченія, безъ свѣтильниковъ исходитъ изъ олтаря съ пѣснію: *Воскре-*

сеніе твое, *Христе Спасе*, *Ангели поютъ на небеси*, а обошедши однажды галлерею и трижды часовню гроба, останавливается предъ нею. Я одинъ вхожу съ діакономъ въ святилище гроба, и тамъ возжегши приготовленныя свѣчи, огнемъ изъ лампады, подаю ихъ изъ самаго вертепа діакону съ привѣтствіемъ: *Христосъ воскресе!* а онъ передаетъ ихъ чрезъ окно, изъ преддверія Ангела, по образу св. земли, духовенству, и тогда взошедши въ св. гробъ для поклоненія, оно начинаетъ въ преддверіи самую утреннюю. При пѣніи же канона Пасхи: *да воскреснетъ Богъ*, мы снова исходимъ къ народу, и утренняя оканчивается въ соборномъ олтарѣ, какъ и въ древнемъ Іерусалимѣ, которому новый не уступаетъ подражаніемъ великихъ обрядовъ.“

Кромѣ этихъ обрядовъ есть еще нѣкоторыя измѣненія, которыя непре-

мѣнно поразятъ не видѣвшаго ихъ: діаконъ во всякое время служенія и даже въ продолженіи обѣдни, по „Отче нашъ“ носитъ орарь особеннымъ образомъ; онъ совершаетъ всѣ служенія въ камилавкѣ, а на обѣдни только до малаго выхода. Священникъ, когда служитъ безъ діакона, говоритъ эктинью въ камилавкѣ, кромѣ обѣдни. Во время малаго входа на обѣдни и на вечерни Царскія Двери не отворяются до тѣхъ поръ, пока священникъ и діаконъ станутъ уже предъ амвономъ, и тогда свѣщеносецъ, несущій предъ Евангеліемъ свѣщу, приступивъ къ Царскимъ Дверямъ, отворяетъ оныя для входа ихъ. Когда, при окончаніи обѣдни, священникъ читаетъ послѣдній отпустъ, то Царскія Двери за нимъ затворяются, и онъ уже стоитъ внѣ оныхъ предъ амвономъ, а послѣ входитъ въ олтарь сѣверными дверями. Наконецъ въ бу-

дни, вмѣсто трезвона, звонятъ только въ одинъ полуелейный колоколъ.

Къ югу отъ камня муропомазанія устроенъ придѣлъ *Святаго Николая*. Рядомъ съ нимъ Церковь *Всѣхъ Святыхъ*—она надъ самою колокольнею.

Къ западу, по той же сторонѣ храма двери и лѣстница, по которой входили мы уже на галлерею надъ Царской аркой (стр. 107). Тутъ на лѣвой сторонѣ придѣлъ *Св. Благовѣрныя Княгини Ольги*. Идучи хорами вправо, подъ колокольнею, Церковь *Св. Ап. Іакова брата Господня*, возобновленная иждивеніемъ Оберъ-Каммергера И. И. Шувалова. Далѣе, къвостоку, придѣлъ *Тихвинскія Богаматери* устроенный Ал. Зах. Воронецъ. По лѣвую сторону придѣлъ *Вознесенія Господня*—Ал. Вас. Сухово-Кобылинымъ. За этими придѣлами ризница, которую посѣтимъ мы особенно.

На возвратномъ пути, пройдя придѣлъ Вознесенія, увидимъ мы Церковь *Св. Павла Исповѣдника*, устроенную повелѣніемъ Императора Павла I-го, въ память дня возшествія Его на престолъ, и противъ нея ту картину съ изображеніемъ Патріарха Никона, о которой говорили уже мы при описаніи жизни его (стр. 83).

Отсюда на сѣверъ устроенъ придѣлъ во имя *Св. Благовѣрнаго Александра Невскаго*, изъ карарскаго мрамора, по волѣ Государя Императора Николая Павловича, бывшаго тогда Великимъ Княземъ, въ память рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича. Вотъ собственноручный Рескриптъ, послѣдовавшій тогда на имя Преосвященнаго Архімандрита Московскаго Августина:

„Преосвященнѣйшій Владыко! Со страхомъ, свойственнымъ человѣку сла-

бому, и съ надеждою, непокидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе утѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ, и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; онъ сохранилъ и мать и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Св. Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима. Это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо, участь жены и сына. Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ

и руководителемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ олтаремъ, воздвигнутымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу Отечества.“

Влѣво отсюда, соотвѣтственно придѣлу Св. Ольги, придѣлъ то же во имя *Благов. Князя Александра Невскаго*, воздвигнутый по повелѣнію Императора Павла Петровича.

Потомъ далѣе, къ востоку, два придѣла: одинъ во имя *Св. Іоанна Златоуста*, другой *Св. Захаріи и Елисаветы*; оба устроены иждивеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны.

За ними палата, гдѣ хранится монастырская библіотека.

Возвращаясь опять хорами же, къ западу, мимо придѣла *Александра Нев-*

Библиотека РКВМФ СССР

скаго, на самой срединѣ хоръ, противъ Гроба Господня, встрѣчаемъ придѣлъ во имя *Преображенія Господня*, устроенный въ 1808 году Статсъ-Дамой Ек. Ром. Дашковой. При сходѣ внизъ—*семидесяти Апостоловъ*, Б. А. Загряжскимъ. Далѣе къ западу придѣлъ *Св. Правед. Анны* — созданный иждивеніемъ Ан. Ник. Сухотиной.

Въ соотвѣтствіе придѣлу семидесяти Апостоловъ, устроемъ съ большимъ вкусомъ и богатствомъ, придѣлъ *Св. Маріи Магдалины:* это даръ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Наконецъ близь большихъ сѣверныхъ дверей придѣлъ въ честь *сошествія Св. Духа*, устроенный иждивеніемъ Гг. Карповыхъ.

Ежели къ названнымъ церквамъ и придѣламъ присоединимъ еще каменную церковь надъ Св. воротами въ память *входа во Іерусалимъ Христа*

Спасителя и церковь *Трехъ Святителей* при Дворцѣ, и наконецъ Церковь во имя *Св. Равноапостольныя Царицы Елены* и *Преподобнаго Іоанна Рыльскаго*, то всего будетъ съ придѣлами освященныхъ церквей *тридцать девять*.

Теперь остается намъ поклониться Иконѣ Иверской Божіей Матери, устроенной Московскимъ Мѣщанскимъ Обществомъ, и поставленной у входа подъ Голгоѳу. Въ прошедшемъ 1852 году Икона эта, точный списокъ съ иконы Иверской Божіей Матери, находящейся въ Москвѣ, принесена была на Элеонскую гору 24-го Мая. На другой день, въ Праздникъ Всѣхъ Святыхъ, былъ крестный ходъ къ часовнѣ и икона была освящена соборнѣ, и съ крестнымъ ходомъ же внесена въ монастырь. На прекрасномъ иконастасѣ надпись свидѣтельствуетъ о томъ, что по-

дало поводъ къ этому приношенію: „Заступницѣ рода Христіанскаго, стѣнѣ необоримой Царства Русскаго и Дома Царскаго, Небесной Вратарницѣ, Двери спасенія, благословляющей входы и исходы возлюбленнаго Царя Нашего Николая I-го, *на второмъ двадцати-пятилѣтіи* Его сильнаго правдою и славнаго милостію державствованія устроенъ и украшенъ 1852 года, по соизволенію Его Императорскаго Величества, отъ Московскаго мѣщанства, сей точный списокъ съ чудотворной Иконы Иверской Богаматери. Поставлена же сія Святая Икона въ Новомъ Іерусалимѣ на вѣчную память грядущему потомству, въ знаменіе теплаго и непрестаннаго моленія ко Владычицѣ міра о Боголюбезномъ Царѣ и Августѣйшемъ его Домѣ, по особенному усердію мѣщанскаго общества къ столь знаменитому и единст-

венному на святой Руси храму Воскресенія Христова и по благоговѣнію къ памяти блаженнаго Патріарха Никона, основателя сей многознаменательной обители, испросившаго Москвѣ отъ Святой Горы подобіе Иверской Святыни.“ Теперь будетъ ежегодно совершаться крестный ходъ въ воскресный день недѣли Всѣхъ Святыхъ.

Намъ слѣдуетъ еще зайти въ ризницу, которую прошли мы мимо. Мы не будемъ разсматривать ее въ подробности; тутъ много предметовъ заслуживающихъ благоговѣйное вниманіе богомольца и удивленія по красотѣ, богатству и изяществу отдѣлки; довольно ежели мы укажемъ на харатейное Евангеліе на пергаментѣ, писанное въ 1468 году, съ золотою прописью; оно пріобрѣтено Патріархомъ Никономъ въ 1658 году. Замѣчательно также ветхое облаченіе его: кло-

букъ черный съ жемчужнымъ херувимомъ; бархатный лазуревый саккосъ; бѣлый камчатный омофоръ — подпись на немъ вышита по гречески. Посохъ деревянный, Епитрахиль, полосатый, шелковый подризникъ, двое четокъ: одни черныя янтарныя, а другія бѣлыя корольковыя, часть схимы, поручи, на коихъ вышито Благовѣщеніе Богородицы золотомъ и шелкомъ, шляпа его черная, власяница, сапоги и туфли съ желѣзными скобами и двѣ печати — стальная и деревянная.

Повторимъ для тѣхъ, кто не удовольствуется нашимъ *путеводителемъ*, что въ самомъ монастырѣ продается книга: *Краткое историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря.*

Конецъ.

МОИ ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

3p

M.2 П
3 90